

Виноградов В.В.

Стереть В ПЫЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Владимирович Виноградов

Стереть в пыль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73102188

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение необычайных приключений российского пенсионера, начало которых описано в книге «Почти детективные истории».

Содержание

Часть 1. Стереть в ПЫЛЬ	4
Грузия 1	7
Узбекистан	85
Латвия	95
Украина	105
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Виктор Виноградов

Стереть в пыль

Часть 1. Стереть в пыль

Ранняя весна. Начало апреля. Звонок из Москвы. Иван Петрович просит срочно приехать, бросив все дела. При этом не было ни одного лишнего слова, никакого намёка на задачу.

На следующий день я был на прежнем месте сбора. В Москве +23оС, духота, гроза собирается. Дверь открыл Иван Петрович.

– Проходи, раздевайся, освежись в ванной.

Вымыв руки и лицо, прохожу в гостиную.

В большой комнате на столе большая карта России и окрестностей. Над картой склонился наш генерал. Поздоровался с ним.

– Перекуси с дороги и сюда подходи.

На кухне у стола три табуретки, на столе стандартный перекус армейского офицера на три персоны. Вина, водки, виски нет. Лишь кофе, квас, кефир. Из носика кофеварки струится парок. Налил большую чашку. На кусок хлеба положил варёный олений язык, смазал горчицей, на другой кусок хлеба сало на всю поверхность и тёртого хрена. Быстренько

жую, запивая кофе. Пару глотков кваса и иду в гостиную.

– Ты, наверняка, читал в прессе, в интернете, – начал генерал, – что американцы создали более пятнадцати химических лабораторий вокруг нас. Биологических, вирусных.

– Как пятнадцать? Про две знаю – в Грузии и на Украине по одной.

– Уточняю. Восемнадцать. В Грузии две, на Украине тринадцать, в Латвии, в Казахстане и Армении по одной. Мы выяснили их точное местонахождение – вот здесь. Показывает все точки на карте. – Двигать науку это благородное занятие, да только от этих лабораторий проистекает зараза. Вдруг вокруг этих зданий люди начали болеть какими-то болезнями. Вылечить не могут. Через три-четыре дня люди начинают кашлять с кровью и ... каюк. Некоторые дольше держатся. Наши люди уже взяли пробы с этих несчастных и сейчас в наших лабораториях ищут противоядие. Лекарства разрабатывают, вакцины. Но это ещё не всё. Китайцы сообщают, что в городе Ухани началась эпидемия с похожими признаками. Невысокая температура до 38°C, кашель, потеря обоняния, потеря сил.

Тут встречается Иван Петрович: – только что мне сообщили, что подобное началось в Италии. Зараза легко передаётся от человека к человеку. Медики начинают сильно волноваться – туристы могут привезти заразу в страну, а лекарства нет.

– В Центре уже решили действовать в двух направлениях:

первое – медики, само собой, ищут лекарство, а мы должны уничтожить источники заразы. Все лаборатории стереть в порошок и специалистов тоже – в порошок, в пыль. При этом уничтожить так, чтобы ни одному сыщику не было бы понятно – как так могло произойти. Действовать решили на всех объектах одновременно. Или почти одновременно – по обстановке. На каждый объект мы нацеливаем по три-четыре человека. Лишних людей у нас нет, поэтому и вызвали тебя. Вы направляетесь в Тбилиси. Вот, если тебя слегка подкрасить, то сойдёшь за грузина. В помощь тебе Валентина и два реальных грузина (они на месте давно). Две недели на тренировки, на изучение грузинского языка. Со знанием языка будет легче. Сейчас на прощание выпьем по рюмочке кваса, извини, сердце, давление – и вы вдвоём отправляетесь в нашу школу.

Грузия 1

Дорога заняла сорок пять минут и в середине дня мы в знакомой зоне. Сначала представили меня новому начальнику, выделили нового куратора (Андрей), а поселили в том же домике. Интерьер слегка изменился – новые кровать, стол, картины на стене.

– Располагайся, приводи себя в порядок, сосредотачивайся, переоденься; затем обед и сразу после обеда приедут преподаватель грузинского языка и Валентина. Завтра с утра физическая подготовка, снова язык и специалист по новой технике. Скучать не придётся, а я отчаливаю – дела. Со всеми вопросами – к куратору вот по этому прибору – показывает на стенке коробочку с двумя кнопками. На зелёную надавишь, он ответит голосом, и ты говоришь, а выключить – нажимаешь красную кнопку. Ну, пока. Через четыре дня приеду, возможно, с новыми оперативными данными.

Ушёл. А я разобрался с одеждой, принял душ и сообщил Андрею, что готов к приёму пищи.

Через пару минут он был у меня и повёл в столовую.

– С бельём-одеждой разобрались? Ванну-душ приняли?

Всё в порядке там? Ну, тогда пошли. В первый раз я вас веду, а потом вы или самостоятельно, или как мы заранее договоримся. Я ведь тоже бываю занят. Не вы один у меня.

– Не в первый раз я здесь. Много помню. Кое-что изме-

нилось, но по мелочам.

– Вот оно как, тогда нам обоим легче. Но сегодня я вас отведу на занятия и завтра утром – тоже. Разные классы, разные помещения. На спортивные занятия тоже будет инструктор, и, так как вы не молодой человек, то и инструктор тоже в возрасте. Специфику возраста учитывать надо строго.

Обедали в отдельной комнате (обычай такой лукавый у спецслужб). – Приходить будете только в эту комнату (номер четыре на двери), лишних людей здесь не будет. Могут быть только те, что в курсе вашей работы. Самому завязывать знакомства не рекомендуется.

Добротный, сбалансированный обед: – Салат из овощей и трав, борщ на мясном бульоне, треска отварная с красным рисом, компот, в котором осели на дно ягоды кизила и унаби.

Не спеша вернулись в жилой домик. – Отдыхайте двадцать минут и на занятия.

В означенное время мы пошли в другое здание. Класс аудио- и видео занятий по иностранным языкам. Валентина была уже в классе. Мы радостно-сдержанно приветствовали друг друга, слегка обнялись.

– Отлично выглядишь, не изменилась совсем.

– И ты тоже хорош, глаза блестят, как у молодого кота.

Наша встреча несказанно удивила Андрея. – Что, старые знакомые?

– Более, чем старые, более, чем знакомые. Партнёры и соучастники.

В этот момент заходят двое. Один, что помоложе и поспортивнее, представляет другого:

– Ваш преподаватель. Чистокровный грузин. Григорий Виссарионович.

– Очень приятно.

Григорий Виссарионович слегка поклонился и тут же сообщил, что завтра вместе с ним будет ещё и женщина. Есть нюансы в грузинском общении, которые могут передать только женщина женщине.

Андрей показал ему аппаратуру. Григорий Виссарионович: – Это мне знакомо, здесь я не первый раз. Ну, что же, начнём, молодые люди.

И началось знакомство с алфавитом, с первыми словами. Потом мы прослушивали и одновременно просматривали самые простые диалоги двух людей. И так до ужина с двумя перерывами на кофе.

Ужинать Григорий Виссарионович пошёл с нами. – У нас времени очень мало, поэтому трапезу тоже я буду озвучивать на грузинском языке. Но, ничего за десять дней вы уже будете различать слова, будете улавливать смысл, о чём идёт речь. А вот говорить – вряд ли. Если не гении лингвистики с музыкальным слухом.

Увы, мы оба слухом особым не обладали. Мы имели только очень хороший аппетит. Валентину поселили в другом домике, чтобы мы сильно не размагничивались в дни занятий, а были сосредоточены на дело.

После такого сверхуплотнённого дня мне было не до телевизора, не до интернета. Едва разделся, как упал на кровать и спал до звонка в дверь. Андрей или кто там требовал подъёма. Это был инструктор по физподготовке. Мужчина под шестьдесят. Плотный, подтянутый, как гриб боровичок.

– Называйте меня Юрий Иванович. А вас, как я слышал, надо называть Надар Вахтангович. Одевайтесь, умывайтесь, а я тем временем на вас голенького посмотрю, оценю состояние физиологическое, хирургическое.

Что делать – пришлось при нём, под его взором все процедуры выполнять. А он, то в одном, то в другом месте нажмёт, то веко задерёт, то анальное отверстие проверит.

– Не удивляйтесь у меня обширное медицинское образование, в том числе и спортивная медицина. И терапевт, и стоматолог, когда надо – то и гинеколог.

Он смотрел на все мои телодвижения, когда я мылся, одевался. Оценивал. Потом вдруг бросил в меня мячик теннисный целлюлоидный. Отворачиваясь, я поймал его на лету. Он удовлетворённо хмыкнул.

– Прилягте на кровать животом вверх. Начал пальпировать живот, грудную клетку, залез пальцами под неё. Вот неприятное ощущение.

– Не по годам, не по годам выглядите и действуете. Очень хорошо. Мышцы, кишечник, печень в хорошем состоянии, очевидно, тренировки были регулярные до сих времён.

– Нет, ежедневный разнообразный крестьянский физио-

ческий труд и велосипед дважды в неделю по 15-20 километров – это необходимость житейская. Здоровый образ жизни. Питание умеренное, разнообразное. Супруга следит за этим и готовит классно.

– Что ж, хороший экземпляр пенсионера. Ну, про жизнь вашу крестьянскую мы ещё поговорим, а сейчас идём на улицу, на пробежку, на спортплощадку. Я думаю, что специфические спортивные упражнения и бег вы осилите. Потихоньку, понемногу через десять дней начнёте бегать без одышки по километру, будете подтягиваться по пять раз на перекладине и проплывать по сто метров. Плавать умеете?

– Плохо. Всегда плохо плавал. Тяжёлый я. Да, и специально не тренировался в плавании. Бегал, прыгал и лыжник был.

– Надо ежедневно отжиматься от пола и с резиновым эспандером делать упражнения лыжников. Как будто палками толкаетесь одновременно. Одновременный ход. Я правильно говорю? Ферштеен?

– Яволь.

– Ну, и лады. Вот, наденьте браслет на правую руку – это пульсометр – я буду отслеживать, чтобы пульс сегодня был не более 95-100. Итак, побежали трусцой. За мной.

Бегали десять минут с двумя пешими роздыхами. Как сказал Юрий Иванович – не столько мышцы, сколь суставы надо бережно тренировать. Они более ранимы и раньше подвергаются старению. Так же легонько упражнения на пресс

и на руки на перекладине, не более пятнадцати минут на все упражнения. Достаточно, пора и на завтрак.

Валентина или для грузинского путешествия – Элина – физической подготовкой занималась самостоятельно.

Сразу после завтрака занимались со спецтехникой полтора часа, затем два часа до обеда и во время обеда изучение нового языка.

Спецтехника. Оказалось, что я должен научиться управлять новым оружием – гравитационной пушкой. Десяти-килограммовый прибор размером 20x20 см и толщиной восемь сантиметров с рупором в сторону противника, сверху панель с двумя регуляторами и двумя индикаторами. Рупор выступает на два сантиметра, диаметр выступающей части рупора двенадцать сантиметров. Пушка надевается на грудь с помощью двух лямок. Как рюкзак, но только спереди. Прибор создаёт пульсирующие гравитационные волны направленного действия. Волны поражают, как живые существа, так и неодушевлённые предметы. Мощность воздействия такова, что может передвигать, например, 100-килограммовые сейфы с расстояния 10 метров на расстояние 15-16 метров, в зависимости от состояния пола. А 20-литровую канистру с водой по асфальту двигает с расстояния 50 метров на сто метров дальше. Животных же раздавливает в своей шкуре до лепёшки. Естественно, всё зависит от размера животного (кошка это или лошадь), а также от расстояния воздействия. Ломаются кости, лопаются лёгкие и все другие ор-

ганы. Мгновенно труп. Человека разрушает с расстояния 200 метров. Заряда аккумулятора хватает на десять минут непрерывной работы, потом подзарядка от сети 220 вольт в течение получаса. Также эта пушка может разрушить колонны и несущие конструкции здания с расстояния 10-20 метров. Фантастика. Да, такого нет в мире ни в одной стране. Эффективно работать с ним можно в городской черте, где имеется действующая электрическая сеть, где есть обычная розетка на 220 вольт.

Воздействовать можно, как на толпу, так и на, одиночно стоящего, человека. Для этого надо сфокусировать или расфокусировать луч. Делается это с помощью левого регулятора, а мощность излучения регулируется правым. Всё как будто просто, но надо потренироваться. На лоно природы мы выйдем завтра и будем толкать предметы, а то и животных.

Эта пушка предназначена для меня, а Элина будет управлять лазерным лучом. Лазер вмонтирован в муляж зонтика от солнца. С торца открывается защитный колпачок; на рукоятке имеются три сенсорных выключателя. Лёгким движением пальца открывается сначала колпачок, а затем включается лазер и выбирается режим работы – импульсный или непрерывный. Лазер очень мощный – прожигает стальную пластину толщиной два миллиметра на расстоянии сто метров. Работает, как в импульсном режиме, так и в непрерывном. Зависит от задачи. Поэтому и длительность работы разная – в непрерывном режиме только пять минут. Импульсы

длиной 0,1 с со скважностью 1 с; 2-4 импульса достаточно, чтобы с расстояния 50 метров прожечь металлическую кабристру с бензином и зажечь бензин (или газ в газовом баллоне за 10-15 импульсов). Нужна твёрдая рука, чтобы не шевелился луч, а бил в одно место. Важно быстро прицелиться, чтобы не тратить энергию аккумулятора. Заряжается он так же – от розетки 220 вольт, полный заряд 30 минут. Быстро. Ещё бы, ведь, аккумуляторы изготовлены из графена и лития. Кстати о весе – такая немалая масса моего оружия, оказывается, из-за того, что в нём много деталей из вольфрама и свинца. Зонтик же весит всего полтора килограмма. И, естественно, такие приборы имеют устройства самоуничтожения – термитные заряды и особые кнопки с реле времени (одна минута на отход от приборов) – всё сгорит при 3000 °С, расплавится.

Итак, сегодня только ознакомление, теория, а завтра начнём осваивать на натуре.

На занятие иностранного языка пришла женщина преподаватель, и она занималась с Элиной, а я с Григорием Виссарионовичем.

После обеда тоже была теория – знакомство с обстановкой по фотографиям, описаниям наших осведомителей; политическая обстановка вокруг этих объектов.

– Меня не нужно никак называть и вас я тоже не знаю. Встречаемся мы первый и последний раз. Я ознакомлю вас с теми данными, что получены от наших людей, от журнали-

стов, от высокопоставленных грузинских чиновников. Много можно уловить из зарубежной прессы, из Интернета, если конкретно следить за этой тематикой. Мы собрали всё до кучи, обобщили и сейчас я это изложу. Итак. Химическая она же биологическая лаборатория в Грузии построена специалистами США, на деньги США; в ней работают инженерами, главными специалистами тоже люди США. Подсобные работники, лаборанты наняты на Филиппинах, в Малайзии.

Договор с Грузинским правительством подписан ещё при Саакашвили. За этот договор США заплатили большие деньги лично Саакашвили. Кто платил неизвестно. Только он мог согласиться на такое – все работы в глубокой тайне, все результаты исследований принадлежат США. Грузинское правительство абсолютно ничего не контролирует и не «знает», что там происходит. Все сотрудники лаборатории получили дипломатическую неприкосновенность, так что даже вопросов никаких им задавать нельзя. Называется эта лаборатория кратко «Центр Лугора» по имени сенатора Ричарда Лугора, а официальное название «Центр по исследованию общественного здоровья». Администратор Центра Джордж Моттом.

Строительство начали в 2011 году, находится он в посёлке Аэропорт (бывшая Алексеевка), недалеко от аэропорта и это в 20 километрах от Тбилиси. Фундамент заложили грузинские рабочие, а всё остальное делали турецкие мастера. Местных убрали, чтобы знали, как можно меньше, а турки уехали к себе на родину. На открытие Центра приезжали по-

мощник министра обороны США по вопросам ядерных, химических и биологических программ – Эндрю Вебер и сенатор Р. Лугар. Подрядчики работ частные военные компании США; по всему миру у них 25 аналогичных лабораторий. Кроме того, США организовали лаборатории других или вообще неизвестных направлений исследований; всего 400 штук по всему миру.

В лаборатории Аэропорта принимали пациентов безнадежно больных и с гепатитом С, которые соглашались на любое лечение. По конфиденциальным данным все пациенты лаборатории получали противовирусный препарат, разработанный американской фирмой «Гилеад Сайенсиз». Значительная доля этой компании принадлежит бывшему министру обороны США Дональду Рамсфельду, часть акций принадлежит и сенатору Лугару. Следует заметить, что эта же компания ранее разработала вакцину от птичьего гриппа, которая применялась во время эпидемии. В результате количество миллиардов долларов у Рамсфельда и Лугара заметно прибавилось.

Упомянутый выше противовирусный препарат считается лекарством от гепатита С. Его уже применяли в лабораториях других стран. Часто пациенты умирали. Везде причину смерти писали – «неизвестна». Не исключено, что под видом противогепатитного препарата могли вводить совсем другие вещества. Только в 2015 году в «центре Лугара» погибло 30 человек, при этом 24 из них умерли практически в один

день. Всего, за все годы в Грузии погибло 76 человек. Погибли не только пациенты, но и персонал – так два года назад два филиппинца заразились чем-то; у них началась рвота, припадки с выделением пены изо рта. За два дня скончались. Это видели, знают жители дома, который является ближайшим жилым строением от Центра, в котором жили несколько иностранных лаборантов.

В 2014 году в Центре установили оборудование для работы с насекомыми. И вот в Грузии появились невиданные ранее тропические комары – разносчики жёлтой лихорадки и вирусов Чикугунья и Зика. Потом – летучие мыши – распространители Эболавirusа. А затем на юге России началась эпидемия свиной чумы, которая охватила несколько европейских стран. Забиты и сожжены сотни тысяч свиней, убытки на многие миллионы долларов. Трупы свиней грузины скидывали в речку, которая течёт на Черноморское побережье Абхазии.

В других лабораториях (возможно и в этой), как выяснили журналисты от американца Джеффери Сильверманна (журналист левого уклона), работают с возбудителями туляремии, сибирской язвы, бруцеллёза, лихорадки Денге, Крымско-Конго геморрагической лихорадки, передающихся насекомыми. Работают над препаратами, которые по-разному должны воздействовать на различные этнические группы. То есть жители Африки, Южной Америки, России, китайцы должны быть избирательно уничтожаться, не затрагивая

«белых людей» Англии, Америки.

К сведению: – США не подписали часть Конвенции по запрещению химического и бактериологического оружия в той части, где говорится о взаимном контроле; Грузия вообще ничего не подписывала, так как объявила, что никаким оружием никогда не занималась и работать над ним не будет – не видят смысла что-либо подписывать. Всего США построили около 400 таких лабораторий по всему миру. Монголия, Казахстан, Узбекистан, Пакистан, Таджикистан, Прибалтика, Молдавия, Азербайджан, Армения – окружили нас со всех сторон.

– Итак, всё вышесказанное ещё раз подтверждает, что США – это самый большой враг человечества, самая гнусная страна. А сейчас я покажу вам фотографии этой лаборатории с разных ракурсов.

Выложил перед нами десяток фотографий двух- а местами трёхэтажного здания. Бело-синяя расцветка, Г-образная в плане; в углу вход; крыша плоская со множеством труб; окон мало и они как-то неравномерно, и по длине, и по высоте здания расположены. Здание ограждено колючей проволокой на бетонных столбах высотой 3-3,5 м. Перед главным входом заасфальтированные площадка и дорога к воротам, а остальная часть – это естественный газон с естественными ямами и буграми. Кустов и деревьев нет. Расстояние от забора до стен примерно 15-20 метров; в углу периметра забора (на переднем плане перед входом имеется уступ забора

ра внутрь огороженного участка) расположена будка охранников размером, примерно, 3 на 3 метра. Вероятно, по всему периметру на столбах установлены камеры видеонаблюдения. В южной стороне находится посёлок, а с северной стороны – пустырь. До ближайшего дома посёлка метров триста.

Первые наши выводы и вопросы – так просто к нему не подступишься. Как на него воздействовать нашими средствами?

– Это не моя компетенция. Я вам всё сказал. До свидания.

А мы ещё долго сидели в классе, молча. Обдумывали. Да, здесь войсковая операция нужна с сапёрами, с мощными минами и напалмом, а не действие двух-трёх диверсантов с лёгким летальным оружием. С таким оружием в пыль стереть можно только гараж, стоящий одиноко и без охраны. Таково было наше умозаключение. Настроение было не очень и потому занятия по языку были сухи и малопродуктивны.

На следующий день с утра мы тренировались с нашим оборудованием в помещении типа тира, а потом и на открытой площадке. Двигали с помощью гравитационной пушки разные предметы; отдача в момент подачи импульса почти не ощущалась – импульс очень короткий, а вот при продолжительном воздействии надо было довольно сильно упираться, противодействуя силе излучаемых гравитационных волн. Прожигали лазерным лучом пустую канистру. Надо было достичь такого мастерства, чтобы с одной наводки, навскидку попадать лучом в канистру с 50 метров. Это практически,

как стрелять из снайперской винтовки только безо всякого прицела. Для того, чтобы видеть пятно луча на канистре мы надевали бинокли. Одного занятия оказалось мало. Тренировались десять дней по два часа. Да, бинокли надо брать с собой иначе очень долго блуждает луч в поисках цели.

На четвёртый день пришёл Иван Петрович. – Имеются дополнительные сведения о лаборатории в Грузии. Там начали строить ещё одно здание вплотную к стенам имеющейся лаборатории. Сделали уже два этажа, но краны стоят высокие, поэтому здание должно быть не менее 8 этажей. Выяснили, что первые два этажа будут занимать вооружённые пехотинцы американской армии, а остальные предназначены для больничных палат, лабораторий и особых зон для работы с заражёнными пациентами. Там же будут жить все лаборанты и обслуживающий персонал. То есть, секретность возрастает.

Вопрос: – Здание, с какой стороны лаборатории строят?

– Как я понял, со стороны посёлка.

– Да, ещё, чуть не забыл – в «центре Лугара» перешли на высший 4-ый уровень защиты персонала – DSL-4. Там имеется и уже работает крематорий. Это о чём-то говорит.

Через два дня принёс ещё одну новость – пустили грузинских журналистов в коридор первого этажа и показали через стеклянные двери работу сотрудников. Ничего особого – обычная биологическая лаборатория, лаборанты в костюмах-комбинезонах, в перчатках и в респираторах с очками

(практически противогазы). Препарат называется «Совальди». Что за препарат мы не знаем. Для чего он предназначен – тоже вопрос.

– Это была показуха для успокоения местного населения. Но вам надо готовиться в любом случае, даже если там батальон охраны. На месте оцените обстановку, сообщите нам, и будем принимать решение. А пока готовьтесь по полной программе.

И далее продолжил: – Как уничтожить лабораторию мы думали так: – основное действие с тыльной части лаборатории; на пустыре. Вы заранее (ночью) там располагаетесь, маскируетесь; наш человек буквально на ваших глазах устанавливает там (на расстоянии 50 метров от забора) две пластмассовые канистры с бензином. Канистры даже ночью вы увидите – они с вашей стороны выкрашены светящейся краской. Утром в девять часов начинаете действовать. Это то время, когда в здании находятся все сотрудники. Место вашей засидки будет подготовлено и вам показано. Оно будет на расстоянии 90-100 метров от стены лаборатории, где нет окон. Вы начинаете двигать канистры к самой стене; с помощью гравитационной пушки ломаете забор и канистры к самой стене подвигаете. Затем ломаете стену с помощью пушки, а Валентина своим прибором поджигает обе канистры. Горящие канистры стараетесь протолкнуть внутрь здания сквозь дыру. Пожар внутри здания. Никакого взрыва.

Мы пробовали на тренировке проделать такой фокус. С

лёгкими стенами в один кирпич получается, а что там за стены – мы не знаем. Нет 100%-й гарантии хорошего результата.

Иван Петрович продолжает: – Затем, немедленно после начала возгорания вы в своей норе ставите оба прибора на самоуничтожение и уходите. Путь отхода нужно как следует изучить, на месте определиться – куда, как, каким транспортом. Сегодня вы всё это обдумайте, а завтра мы с вами будем изучать маршрут перехода в Грузию.

Он ушёл, а мы недоумённо всё смотрели ему вслед, на закрытые двери. Они, что там, в своём уме? Какая дыра, когда всё будет завалено обломками стен, на какой высоте от земли будет эта дыра, какой такой пожар внутри здания? Снаружи – да, будет гореть бензин и пластмасса, а затронет ли это внутренность помещения – большой вопрос. Вероятнее всего, что гореть бензин с канистрой будут только снаружи и ничего во внутрь не протолкнуть. Пустые фантазии генерала. Но. Но он сказал также, что решение будет приниматься нами на месте. Вернее – после нашей оценки, после нашей рекогносцировки. Это значит, что ещё никто там толком ничего не изучил, а есть только желание и фантазии под новую пушку. Вот, что они хотят – опробовать новую пушку в реальном деле.

Утром на физзарядке тренер рекомендовал бегать до пульса 110; подтягивался я уже четыре раза, а начал с двух. Вечером были занятия в бассейне, и я впервые в жизни про-

плыл без отдыха 200 метров.

На следующем (на шестом) занятии по грузинскому языку начал различать такие слова: gamarjoba = здравствуйте, mshvidobit = до свидания, khinkali = хинкали, p"ugi = хлеб, gemrieli = вкусно. Элина схватывала новый язык гораздо лучше.

Иван Петрович пришёл не на следующий день, а через день. Что-то всё не так идёт.

– У нас, в наших коридорах новые поветрия. Вот, например, не желают уже пользоваться услугами непрофессиональных и нелегальных, не кадровых специалистов нашего дела, а потому решили вам Виктор Владимирович, присвоить звание майора и соответствующий оклад на период работы. Премияльные предусмотрены за сложность работы «в поле», не в кабинете. То есть, кадровики присваивали вам очередное звание за каждую вашу акцию... и вот вы до майора дослужились. После предполагаемой работы, успешного выполнения дела, будет звание подполковник. Ну, как, вдохновляет?

– Вполне. Я даже не спрашиваю, сколько копеек это будет стоить – благополучие, спокойствие, безопасность страны важнее оклада. От предполагаемого звания дух захватывает. Так и до генерала дослужусь, и сам буду планировать операции. Сам, а не кабинетные знатоки.

– Ну-ну-ну, замахнулся. Не обижай старых зубров.

– А вы, Иван Петрович, вникали в детали предстоящей

операции? Это как из малопульки духовой по слону стрелять. Мы, конечно, постараемся из этого выжать всё, что можно, но ... есть моменты непредсказуемые и непреодолимые – как то, стена неизвестной прочности, и то, что находится за этой стеной. Неизвестно.

– Вот и будете узнавать. Я не в силах изменить приказ. Давайте-ка начнём изучать маршрут движения.

Изучение карт и маршрутов продолжалось два часа. Иван Петрович: – Перелёт гражданским рейсовым самолётом, автобусом или на автомобиле исключены, так как неизбежны досмотры, а обнаружение секретнейшего оборудования это скандал международный, поэтому необходим тайный переход через границу. Нам давно известно, что есть две хорошие дороги: – одна из Дагестана идёт в Панкийское ущелье, вторая из Чечни, из Итум-Кале до грузинского села Шатили, что в шести километрах от границы, в Тушетии. Но там и там стоят пограничники российские, обустроенная пограничная полоса и народу на каждом шагу разного немало – незаметно не пройти. На грузинской стороне тоже пограничники. Поэтому надо выбрать безлюдный маршрут. Вот, вы уже видите, есть такой: – от Итум-Кале на Наркие-Корт и пересекать Главный Кавказский хребет в районе горы Хильдехарой 3888 метров; к востоку от этой горы имеется седловина и спуск в Грузинскую Тушетию. Но подход к ней – это дорога для высококлассных альпинистов, для подготовленных восходителей. Да, там ходили местные контрабандисты.

Редко. Дорога занимает восемьдесят дней с большим грузом. Людей там нет, груз у вас небольшой. Однако, возраст у вас обоих не для романтических прогулок.

Поэтому рассмотрим ещё один маршрут. Он более длинный, но полегче. Значительно легче. Опять-таки от Итум-Кале дорога идёт сразу на запад по долине реки Аргун. Вот, видите, один мост через Аргун, а вот второй через шесть километров. По второму мосту переходите Аргун и дорога идёт в горы по долине притока Аргуна – речки Кериго до уровня 1500 метров и далее дороги нет – только тропа для лошадей, ослов, мулов. Пешком по тропе почти до горы Тебулосмаги 4493 метра. Слева от неё имеется легко-преодолимый перевал через Тушетский хребет. Можно, конечно, вдоль Аргуна и там выйти на другой перевал, это четвёртый вариант, ещё более лёгкий, но там плотно стоят пограничники. Людская тропа. Не дорога на Шатили, но всё-таки ходят контрабандисты. А этот (третий вариант) путь потруднее, не каждый местный контрабандист желает по нему идти. Но вы же не местные крестьяне – вы российские патриоты, сотрудники спецподразделения. Оба майоры. От Итум-Кале вас будут сопровождать двое – один наш человек и проводник местный. Длина пути от Итум-Кале до перевала примерно 35 километров. За два-три дня преодолеете.

С собой несёте свои аппараты и одежду. Первая одежда прогулочная – это вы выходите на прогулку из Итум-Кале, вторая – для восхождения на горы, перевалы. Первую одеж-

ду вы сжигаете. Третья одежда – для Грузии, когда вы подойдёте к проезжей дороге, когда надо будет показываться на людях. Вторую одежду вы тоже сразу сожжёте. Так что облегчение вам. Сопровождающие вас несут палатку и питание.

– Гладко это на бумаге, – Валентина говорит, – но мы лазили по горам Швейцарии. Но там было не выше полутора километров, а здесь высокогорье – до трёх километров. Какое будет нашим лёгким и, возможно, будет кислородное голодание.

– Нет, не будет у вас кислородного голодания, как у альпинистов на 7000 метрах. Итум-Кале находится на высоте 760 метров, а перевал – на высоте 1800 метров. Сначала некоторая слабость будет, но через два-три дня акклиматизируетесь, то есть постепенный подъём это хорошо.

В этот же день я пытался пробивать кирпичные стены своей пушкой. Кладку в два кирпича разваливал за тридцать секунд. Но эта кладка не несущая стена, а фрагмент стены в чистом поле. Стену двухэтажного макета дома разваливал за одну минуту с расстояния в сто метров. При этом требовалась максимальная концентрация луча. Надо поближе подбираться к стене, как можно ближе.

Заканчивается наша ускоренная подготовка, и мы вылетаем в Чечню.

На площади перед аэропортом Грозного нас ждал вездеход армейский с водителем и сопровождающим сотрудником.

– Алексей, – представился он. Мы назвали свои «деловые» имена. Уложили свои вещи в багажное отделение, которое было наполовину занято сумками и рюкзаками. Выехали сразу:

– Потом по пути перекусим, а где – я знаю. Скоро.

Путь пролегал через Грозный по трассе М29, вскоре в городе мы оказались в каком-то дворе и нас попросили войти в одноэтажный дом. Сопровождающий:

– Дайте ваши паспорта, я пойду в управление пограничников, чтобы сделать всем пропуска в пограничную зону. Весь юг Итум-Калинского района стал пограничной зоной. Уже на выходе из этого районного центра у вас патруль потребует пропуск. Посидите, попейте кофейку, посмотрите телевизор, а я через полчаса вернусь.

Действительно – примерно так он и вернулся. – А что, проводник уже имеет пропуск?

– Какой проводник? Забудьте о нём, не будет никакого проводника.

– Но в Москве разрабатывали план с проводником.

– Там служба сильно отстала от действительности. Если хотите иметь высшую конспирацию, то никакого проводника не должно быть. Любой местный с удовольствием «проболтается» – продаст за десять рублей. На нашей стороне дело будем иметь с нашими пограничниками, а на той – придётся уповать на мастерство встречающего человека. В дороге я вам кое-что дополнительно расскажу, а сейчас некогда –

надо выезжать, пока не стемнело.

Выехали из Грозного и вскоре свернули на дорогу E119 и в ближайшей харчевне плотно пообедали. Алексей рассказал, что в багажнике находится вся наша одежда, запас продовольствия, палатка, газовая плитка походная с баллончиками, сухой спирт, верёвки, крючья альпинистские, ледорубы.

Вскоре свернули на дорогу E50 впереди Борзой, далее Ункали и Итум-Кале, и конец приличной дороги. Хорошая дорога (но не для нас) идёт вдоль реки Аргун до самой границы, а в Грузии в шести километрах городок Шатили. Это древний путь через Главный Кавказский хребет в Грузию.

Наш путь до Итум-Кале занял четыре часа. Приехали в сумерках, почти ничего не увидели – понятно только, что все дома одноэтажные. Заночевали в просторном доме с десятком комнат.

– Это наша гостиница для командированных пограничников, проверяющих и прочих военных дядей.

Утром переоделись в одежду номер один – джинсовые брюки и куртки с меховым подкладом. Одежда не новая, не броская на вид – возможно, искусственно состарена, чтобы не очень выделяться. Конец апреля, ночью было прохладно – до +3, а днём будет жарить до +22 °С. Постоянный ветер холодный с гор, в горах ещё снег лежит, лёд.

Самостоятельно приготовили завтрак на газовой плите уже из тех продуктов, что везли с собой. Пришёл капитан

пограничник, посмотрел наши документы, справки:

– Я поеду с вами до самой границы, до погранзаставы. Там я объясню задачу командиру отряда. Едем на нашем вездеходе. Дорога вполне приличная для военной машины. Дорогу два года назад восстановили, кое-где расширили, ямы засыпали.

Мы соблюдали некоторую конспирацию – на шее кино- и фотоаппараты – приехали снимать весенние пейзажи.

– А какая там погода на заставе?

– Горная, резко континентальная. Сейчас по ночам до минус 10, а днём до +10 °С. Но с каждым днём всё теплее и теплее. В горах снег и лёд, Чем выше – тем больше. Сложно будет переходить перевал.

– У нас обувь специальная и альпинистское снаряжение имеется. Переоденемся.

– Тогда лучше будет. Поехали.

Ясно светило солнце, вокруг отлогие склоны гор почти без деревьев, только мелкий кустарник. Горного Кавказа тут не ощущалось. Мелькнула слева башня мусульманской мечети, затем старинная боевая башня.

– Воон там, видите кубические здания – там музей краеведческий.

Дорога шла по левому берегу реки Аргун. Вскоре слева блеснула небольшая речка – приток, а затем первый мост через Аргун. Едем дальше. Вот и вторая речка Кариги и второй мост. По нему мы переехали на правый берег Аргуна.

– Ну, вот, отсюда до границы, до нашей заставы 35 км и всё в гору. Там высота 1800 метров над уровнем моря. Дышится легко, но старожилам, а вам надо бы акклиматизироваться дня два, так как вам предстоит подняться ещё на один километр.

– Условия то хоть есть для гостей, для женщины?

– Женщин в рядах пограничников нет, поэтому никто специально не думал и ничего не делал специфического. Но комната отдельная на два дня найдётся. Там есть, камеры для нарушителей границы. Нормальные, сухие помещения с койками, столиками, табуретками. Вы все трое там будете устроены, чтобы на глаза лишний раз не попадаться. А то со спутника американцы разглядят – надо же – на заставе женщина. К чему бы это? Будут гадать, а то и контрмеры применят.

– Весёлая перспектива.

Дорога шла параллельно речки Кариго по левому берегу, но далеко от неё – в двух-трёх километрах, и только через пятнадцать километров приблизилась вплотную, а затем мы переехали вброд на правый берег. Вскоре капитан обратил наше внимание на развалины какого-то селения (Корхой, уточняет капитан); через пять километров снова развалины – Корестхой; далее развалины Чамги. Здесь горы вплотную приблизились к дороге. Остановились на пять минут по нужде нужной всем. Посмотрели сверху на долину, по которой только что ехали. На некоторых склонах, недалеко от разва-

лин видны террасы древних земледельцев. С дороги в пути их не было видно, а сейчас, когда вид сверху – хорошо просматриваются. Нынче ими не пользуются, так как все люди ушли.

Справа мелькнула речка: – Тюалей, называется – вам надо знать это, пригодится, – говорит капитан.

Справа возвышается заснеженная вершина горы Тебулаима 3342 метра; Тушетский хребет с запада на восток тянется; вот по нему и пролегает граница в этом районе.

Погранзаства – четыре каменных одноэтажных здания: казарма для личного состава; штаб; кухня; туалет; караульное помещение и в нём же камеры для задержанных нарушителей границы, и для провинившихся.

Два дня нас кормили-поили пограничники – приносили в наши камеры, а мы набирали сил и готовились к переходу. Пограничники решили так: – здесь, в районе погранзаствы, переходить нельзя – грузинские пограничники стоят не постоянно, а проходят два раза в день наряды по три-четыре человека, возможно, имеются секреты, возможно, имеются приборы, реагирующие на движение и телекамеры. Здесь были старинные удобные тропы; на нашей стороне из тропы сделали приличную дорогу; на грузинской стороне дорогу не делали, а тропа всё так же людная. Контрабандисты подходят к границе, а просачиваются в других местах, там, где нет наших застав, где и наряд не пройдёт, особенно зимой и весной, как сейчас. Поэтому переходить надо тоже по

тропе контрабандистов в очень неудобном месте. Это в пяти километрах западнее заставы, недалеко от горы Тебулаима. Перед горой имеется небольшое плато и перевал. Чтобы выйти в ту точку нужно будет спуститься вниз к речке Тюа-лей и по ней подниматься к перевалу. До речки шесть километров, а вверх до перевала будет все семь. Повороты речки, отходы от реки – так тропа виляет. Хорошие ходоки эти семь километров пройдут за три-четыре часа, в зависимости от времени года. До речки мы вас подвезём, а восхождение будете делать вместе со своим сопровождающим и с нашим пограничником. Он хорошо знает те места и хорошо подготовлен к такому походу. Завтра, сразу после завтрака старт.

Всем спалось плохо – мысли о переходе, холод собачий в камерах. Хоть и топили буржуйки вечером, а к утру всё равно +14. Оделись в альпинистские костюмы, ботинки для восхождения (к этим ботинкам имеются шипы съёмные), а прежнюю одежду оставили тут же в камере. Ладно, в пути согреемся, ещё жарко станет. Хорошо, что завтрак и кофе были горячими. Завтрак – ячменная каша с тройной порцией тушёнки, варёные яйца и солидный кусок сала с чёрным хлебом.

Мы оба опытные «контрабандисты», мы знаем, что без сала нельзя выходить в большой поход, а вот Алексей, что-то кривится на этот завтрак и отодвигает свой кусок. Мы с Валентиной переглянулись: – Ты, что не ешь сало? – Нет, не буду.

– Тогда мы слопаем. Я разрезал кусок пополам, и мы с невозмутимым видом съели и эту порцию.

Из камер для задержанных мы вышли с вещами. На улице где-то -2°C , но снега нет. Вездеход подъезжал к нашим дверям. Загрузились. Подошёл капитан с невысоким, худощавым парнем.

– Знакомьтесь – Николай, наш скалолаз. Я с вами до речки. Провожу.

До речки ехали молча. Вышли из машины.

– Удачного восхождения и перехода государственной границы. Успехов в вашем деле.

– К чёрту. И сплюнули через левое плечо.

Надели свои рюкзаки. У меня килограммов восемнадцать поклажа тянет. Валентина свой зонтик, упакованный в прочную коробу с двумя лямками, одела как биатлонисты винтовку, а сверху ещё небольшой рюкзачок с вещами. Время около девяти утра, солнце освещает только верхнюю половину гор.

Первым начал движение Николай за ним Надар Вахтангович, затем Валентина и замыкающим был Алексей. Впереди семь-восемь километров горных троп. По асфальту это два часа ходу. А тут горы, вверх-вниз, чаще вверх, хорошо, что колючих кустарников нет – за многие годы их повырубали. Это только до перевала восемь километров. А на грузинской стороне надо пройти ещё 40 километров.

Через полчаса Николай остановился, обернулся, критиче-

ски посмотрел на нас и двинулся дальше в таком же неторопливом темпе. Мы сосредоточенно шагали, глядя только под ноги. Камни, камни, скользкие камни. Через двадцать минут первая остановка. Скинули рюкзаки и сели на камни. Через минуту прилегли.

– Пять минут расслабления. Туалет по желанию. И ушёл за камни. Вернулся, и мы по очереди тоже сходили за камни.

Тропа неуклонно идёт в гору, стали появляться льдины за камнями в тени.

– Приготовиться в путь. Встаём, одеваем поклажу. Начали движение.

Второй час шли без остановок. Второй отдых. Всё те же процедуры. – Пить не желаете. По два глотка. Можно из фляжки, можно из речки. Но в ней вода очень холодная – не советую. Лучше из термоса горячую воду.

Сделали по глотку горячей воды.

– Приготовиться в путь.

Без проблем собираемся. Пошли. Немного втянулись в такой ритм и стали замечать снег в тени за скалами, следы каких-то зверушек, птичьи следы, перья растрёпанной птицы. – Кеклика рысь или куница распотрошила, – говорит Николай. Кеклик – это горный рябчик. Доверчивая птица, хоть руками бери.

Третий час ходьбы, речка превратилась в еле заметный ручей, а по берегам его лёд и наледи на ровных местах.

– Осторожно на льду, не спешите.

Впереди русло ручья упирается в отвесную скалу. Николай уверено начал обходить её слева, а там большие каменные уступы. Не гладкие, не вертикальные, но с голыми руками не залезешь.

– Подождите здесь, – говорит Николай и исчезает за выступом, затем появляется над нами где-то на уровне четвёртого этажа и скидывает нам конец верёвки. Там он её закрепляет на корнях засохшего дуба.

Пока он забирался на скалу, мы осмотрелись. Изредка на южных, обогреваемых участках гор желтели цикламены – только–только начали распускаться, буки среднего роста, морозник – кустарник среднегорья.

– Ловите. Он сбросил моток верёвки. Сначала мы привязывали наши рюкзаки, а Николай поднимал их, затем сами, ухватившись за верёвку, довольно легко по одному поднимаемся к нему. Углублений было много, чтобы легко преодолеть это препятствие. Кто-то давно вырубил эти ступеньки – видно, что они искусственного происхождения.

Здесь небольшое плато, пологий подъём и виднеется ледовое поле. Подошли к леднику.

– Одевайте шипы, сейчас вплоть до перевала будет лёд. Ледник небольшой, но летом не тает до конца, не пропадает, вот с него и питается тот ручей. Летом теплее и воды будет больше в ручье. Предлагаю слегка перекусить. Одышки не ощущаете? Высота уже 1900 метров. Лучше сейчас перекусить, а то потом, на высоте не захочется, а сил уже не будет.

Заправимся впрок и отдохнём перед штурмом перевала.

Тридцать пять минут отдыхали, готовились к ледовому пути; здесь температура даже сейчас, в середине дня -4°C .

– Ну, пошли.

В шипованных ботинках проблем не было – ноги не скользили, угол подъёма – не более пяти градусов. Через двадцать шесть минут спокойного хода мы оказались под скалами. Это не карниз, не отвесный утёс, а наклонная угловатая поверхность с наклоном где-то 70-75 градусов. Николай считает, что до вершины перевала не более двухсот метров по высоте. Но какие это метры – сплошной ледовый поток.

– Да-а-а. Не ожидал. – Говорит Николай. – Такого я не видал ещё здесь. Рановато пришли – не июнь месяц. Сейчас я пойду на разведку – вправо-влево – посмотрю, где лучше штурмовать.

Ушёл влево – скала поворачивала там на юго-восток. Всё-таки там более солнечная часть горы. Через двадцать минут возвращается.

– Идём туда.

В полукилометре за поворотом всё так же скалы, но уже с небольшим слоем льда и с чистыми проплешинами.

– Здесь я никогда не был – не было нужды – и вот, оказывается, здесь более удобный участок для подъёма. На высотах 10, 20, 50 метров я вижу площадки, а дальше более пологий склон и его не видеть. Начнём штурмовать поэтапно – от площадки до площадки. Сначала я поднимаюсь, бросаю

вам верёвку, вы все поднимаетесь на площадку, а я затем на следующую площадку и так далее. Для ускорения попробуйте подниматься каждый со своим грузом.

Тут я свой голос подаю: – Не думаю, что это сильно ускорит дело, мы очень быстро выдохнемся на первых двух переходах, а дальше неизвестно что. Предлагаю сделать так. Сначала, естественно, поднимается Николай, затем без груза поднимается Алексей, а мы тут подвязываем поочерёдно наши рюкзаки и вы вдвоём легко и быстро поднимаете их, а потом и нас.

– Разумно. Так и порешили. Николай начал подъём. В снаряжении у него был ледоруб-молоток, крючья, верёвка. Он как паук цеплялся за мельчайшие выступы и без остановки, без применения крюков преодолел первое препятствие. На площадке вбил крюк, закрепил верёвку и сбросил нам. Алексей довольно легко поднялся и приветливо помахал нам. В два приёма подняли все грузы и Элина начала подъём. Она обмотала верёвку вокруг правой руки и её потащили наверх. Она еле успевала перебирать ногами, отталкиваясь от скалы, чтобы не удариться плашмя. Меня тащили более осторожно. Площадочка размером полтора на четыре метра – мы свободно на ней разместились.

Путь на следующую террасу проделали точно так же. Следующая, третья терраса была в стороне метров на десять, надо двигаться наискось влево – ближе к югу. Верёвку просто так вниз не сбросишь – мимо нас пролетит. Поэтому конец

верёвки мы держали и стравливали её, когда Николай пробирался к намеченной площадке. Этот путь оказался даже легче, чем предыдущие два, так как угол наклона уменьшился, а количество выступов для ног на горе увеличилось. Здесь рюкзаки тащить на верёвке оказалось проблематично – измочалятся все. Вот тут-то мы надели их на себя.

Было тяжело, но и вершина уже близка и это придавало сил. Четвёртый участок нашего подъёма оказался ещё более длинным, но и заметно более пологим. Некоторые ступени, ложбинки были полны льда, но это уже не критичные препятствия – только осмотрительность, а силы ещё есть. Это я о себе. Другим, возможно, было легче – помоложе они и рюкзаки полегче. У меня особый груз. Но поднимались мы также с помощью верёвки, которую крепил Николай. Он трижды ещё продвигался по склону и крепил верёвку, пока мы не достигли плато. Итого штурм занял у нас чуть менее трёх часов. Время пятнадцать часов (без четверти). Здесь в ложбинах, в тени под камнями много льда и плотного, с наледью, снега. Площадь плато невелика, обозрима – примерно двести на триста метров. Редкие камни высотой до полутора метров. С севера, востока и с запада крутые склоны – такие как те, что мы только что преодолели. Поэтому российских пограничников здесь нет. С Юга это плато довольно полого уходит в сторону Грузии. Температура – 6 °С, ветер южный. Уже хорошо. До границы надо пройти ещё двести метров – до южного края плато. Где-то там нас должны встретить.

Мы спрятались за ближайшим большим камнем, а Николай пошёл на разведку. Как там насчёт грузинских погранцов, где ждут нас встречающие. – Пейте кофе из термоса моего – по глотку достанется, а я пошёл.

Ему что, ему можно идти открыто по территории Российской погранзоны – он пограничник. Он шёл открыто до самой границы. Затем пошёл направо, вдоль границы и исчез из вида. Там, на южном склоне росли чахлые деревья, какие-то кустарники. Почти час его не было. Вот он появился на самом дальнем западном участке плато. Бежит.

– Собирайтесь быстрее, вас ждут, а наряд погранцов грузинских будет через сорок минут. Вам надо исчезать. Палатка и другие принадлежности у вас там будут, так, что всё лишнее оставляйте нам. Нам придётся заночевать в самом низу под скалой – скоро стемнеет там, а у вас ещё два часа светлого времени.

Мгновенно собрались и пошли за ним на западный участок плато. Вот и столб пограничный виден, пропаханной полосы нет – сплошной камень, но есть колючка в один ряд и в шесть ярусов проволок по столбу. Николай одной ногой наступает на нижнюю проволоку и поднимает второй ряд.

– Снимайте рюкзаки, пролезайте.

Пролезли. Всё – мы в Грузии. Сегодня 22-е апреля.

– Идите строго в южном направлении и через триста метров поляна, на ней развалины домика охотничьего – там вас ждут. А мы не идём с вами, мы возвращаемся. Успехов вам.

Андрей тоже пожелал нам ровной дороги, успехов. И мы разошлись.

Только что мы незаконно шагнули через границу, и это начинаем осознавать. Ёкнула селезёнка. Но идём. Напрямую по кустарнику и среди карликовых, кривых вязов. Вот и поляна проглядывает. У развалин стоят двое. По виду грузины, а может другой какой кавказской национальности.

– Тридцать два.

– Минус пятнадцать.

Правильно – пароль +17. Элина: – Gamarjoba, коллеги.

Давно ждёте? Меня зовут Элина, а его Надар Вахтангович.

– О! Gamarjoba, добро пожаловать в солнечную Грузию.

Около двух часов ждём, задремали немного, а тут ваш проводник. Вы почти точно пришли. Мы ещё не устали вас ждать. Зовите меня Гиги, а его Леван. Вот, возьмите ваши паспорта, вы супруги Палиашвили и приехали из России увидеть родину после десятилетней разлуки с ней. Все необходимые отметки сделаны. А в этом конверте деньги, наши грузинские лари. Сумма скромная, но вам должно хватить на проживание в гостинице в течение недели. Доллары и рубли у вас должны быть с собой.

– Так что вас задержало на целый час?

– Лёд на склонах и потому подъём сложный, путь тяжёлый.

Посыпались вопросы – как дошли, как здоровье, самочувствие – чтобы определиться с темпом движения. Впереди 40

километров безлюдья горного склона.

– Спасибо. Мы оба в порядке. Без травм, самочувствие хорошее, усталость есть, конечно.

– Здесь будет легче. Южный склон и весь снег, и лёд растаяли. Только в ложбинах, в тени лёд сохранился. Сейчас подкрепитесь горячим сладким кофе. – Леван, доставай термос.

Термос китайский двухлитровый. Всем хватило по кружечке и ещё осталось.

– Не будем задерживаться, собираемся и в путь – надо отойти отсюда подальше. В запасе у нас два часа, а там ночёвка. Имеется палатка, газовая плитка – не замёрзнем. Леван пойдёт впереди – он хорошо знает эти склоны, потом вы, Элина, потом Надар Вахтангович и замыкать буду я.

Лесистые склоны (дуб, бук, вязы) под сорок пять градусов это гораздо легче, чем наши кручи скалистые. Верёвка нигде не понадобилась. С одной пятиминутной остановкой мы пришли к выемке в скале. Не пещера, но довольно большой грот. Остатки костра и небольшая кучка дров – уже старый заплесневелый валежник и мелочь для растопки.

– Надо же, кто-то так позаботился о нас.

– А это, Надар Вахтангович, контрабандисты. Не охотники. Те оставляют даже консервы, муку в банке, соль, сахар.

– А что тут контрабандисты в наше время делают – что носят туда-сюда?

– Носили в своё время наркотики, оружие, взрывчатку, золото. Именно в этом месте уже два года их не было.

Леван: – Я думаю, что наша палатка войдёт под своды этого грота. Кострище отгребём, набросаем старых листьев, а костёр палить не будем. В палатке будет газовая плитка. И теплее и конспирация. Тут недалеко начинается заповедник или национальный парк. Могут проходить лесники, служители парка.

Гиги и Леван ставили палатку, а мы собирали листья. Палатка оказалась добротная, зимняя, утеплённая с навесом над входом. Вчетвером тесновато, но мы устали и не обращали внимания на эти мелочи. Леван установил газовую плитку, вскрыл две банки мясных консервов (российские, кстати, армейские), вывалил их в одну кастрюльку и начал разогревать. Достал хлеб – лепёшки пури и банку лечо. Допили кофе из термоса и завалились спать.

Мы с Элиной, как легли, так в той же позе и проснулись. Отключились намертво.

– Ну, вы и спите, вас хоть голыми руками бери.

– Укатали сивку крутые горки.

– Сивка – это кто?

– Лошадь сивого цвета – старая поседевшая лошадь. Чёрная или коричневая с проседью.

Гиги: – Давайте завтракать. Греть некогда – вот варёное позавчера мясо, сыр, хлеб, если что у вас есть – пожалуйста. Разогреем только воду для кофе.

Через двенадцать минут стали сворачивать палатку, собирать свои рюкзаки. Навыючился и в путь.

Слева (на востоке) вплотную примыкает национальный парк Tushib, справа тоже есть что-то вроде парка-заповедника, но он в пятнадцати-двадцати километрах.

Мы шли двенадцать часов с четырьмя перекурами-перекусами, прошли 45 километров (так говорит Левон) и в глубоких сумерках остановились на ночёвку. Место обжитое – шалаш, кострище и даже немного дров имеется сухих, свежих. В темноте их не насобираешь. Вот такая забота друг о друге. Тот, кто будет днём – тот принесёт дрова.

– Кто это сделал. Кострище. Дрова. Опять контрабандисты?

– Нет, это мы дрова подготовили, а шалаш очень старый, но каждый год подновляется. Но и контрабандисты бывают – просачиваются туда-сюда. Сейчас очень мало их, а вот четыре года назад и ранее – непрерывный поток. Дрова на всякий случай подготовили, а вдруг газ закончится. Но мы оказались экономны и аккуратны.

Заночевали, как и вчера в палатке с газовой плиткой. Завтра будет выход «в люди». Надо будет пройти только четыре километра.

Утром разожгли костёр, чтобы в нём сжечь нашу альпинистскую одежду и одеть более цивильную, дорожную. Вынули фотоаппараты.

Через полкилометра вышли на хорошо утоптанную тропу, уходящую вправо в горы, в национальный парк, а влево – на проезжую дорогу и по ней налево в посёлок Андаки, а напра-

во – в посёлок Ардоти. Нам туда. Там нас ждёт автомобиль.

– Это туристическая тропа по национальному парку. Летом очень людная.

Через час пути подошли к кемпингу на краю посёлка.

– Вот наша машина, Гиги показывает на «Лендкрузер», Сейчас расплачусь за стоянку и поедем. Открыл дверцы. Через десять минут он вернулся, а мы уже в машине и готовы к пути. Наслаждаемся мягкими сиденьями и предвкушаем красивые пейзажи. Однако, мы ничего не видели. Как только машина тронулась, мы с Элиной тут же заснули.

Проснулись через два часа. Проехали, оказывается, Муцо, Шатели,

– Ну, вы и спите, однако.

– Кто отдохнул – тот вооружён. Отвечаю я на их реплику.

– Скоро ли Тбилиси?

– Через пару часов будет отворот на аэропорт. Туда и поедем. Точнее в посёлок Аэропорт. Там есть гостиница для авиапассажиров. В Тбилиси не едем. Сейчас в гостинице очень много свободных номеров. Там нормально – не очень дорого и ресторанчик есть. А сейчас мы едем по Кахетинскому шоссе, впереди Телави, Гомборо, Сагареджо, Сартичала и до аэропорта, а там посёлок «Аэропорт».

– О деле сейчас будем говорить или в гостинице?

– Можно сейчас. Говорить-то особенно не о чём. Засидку мы подготовили, завтра покажем объект, окрестности, пути подхода и отхода. Вот, собственно, и всё.

– Сколько этажей уже построили у лаборатории?

– Шесть.

В гостинице мы сняли двухместный номер на третьем этаже. Сопровождающие с нами не пошли. Зайдут позже нас. Договорились, что завтра в десять утра мы выйдем на прогулку. Гиги и Леван поселились через час в этой же гостинице на первом этаже. В гости друг к другу мы не ходили.

Вымылись в ванной, сходили в ресторан и спать. Утром познакомились с посёлком, увидели – где автобус и его расписание на Тбилиси, на центральный автовокзал; стоянка такси. Рассмотрели подходы к лаборатории со стороны посёлка. Затем Леван, проделав большой крюк, вывел нас на северную сторону лаборатории. На пустырь. Попросил нас быть внимательными и повёл нас в дальний конец пустыря и наискось к зданию лаборатории; путь держал, как бы к озеру. В один момент, когда двенадцатый столб забора оказался в створе второй трубы, показал нам направление движения к замаскированной засидке – яме, закрытой сверху досками и дерном. Ближайшая доска отодвигается и открывается вход в нору. Там четыре земляных ступеньки. Засидка оказалась далеко от лаборатории.

Мы увидели всю бесполезность затеи с гравитационным оружием против стен лаборатории, поэтому сказали Гиги, что бензин в канистрах ставить не нужно – не нужно настораживать охрану. Я сделаю другое.

После первой ознакомительной прогулки по посёлку и во-

круг объекта сидим в номере, потягиваем минеральную воду после плотного ужина.

Валентина: – Да-а-а, не получится нашим оружием стереть всё это в пыль. Это не фанерные американские домики во Флориде. Что будем делать?

– Надо всё-таки выполнить приказ и выйти завтра в ночь на рекогносцировку, но во всеоружии.

В ту же ночь, в 03:00, через окошко наших грузинских коллег мы вышли из гостиницы. Около четырёх часов утра мы проникли в нашу засидку. Яма размером метр на полтора и глубиной полтора метра. Закрыли за собой доску с дерном и задремали сидя на полу. Едва рассвело (это около шести утра), как мы сдвинули переднюю доску и выглянули наружу. На головах у нас защитные капюшоны. Солнце светило слева и хорошо были видны лаборатория, второе строящееся здание, подъёмный кран. Выстроили уже семь этажей.

Сейчас окончательно выкристаллизовалась моя идея – свалить подъёмный кран на здания. Это был французский кран, а не наш российский. Наши краны делают с 10-кратным запасом прочности, поэтому его опоры толстые. Французы же делают четыре тонюсенькие опоры, с запасом прочности 1,3-1,5. Смех, да и только.

Я объяснил Элине, куда она должна попасть своим лазером, чтобы нагреть, разупрочнить стойку крана – это ближайшая к стене стойка. Сразу после непрерывного, до полного разряджения аккумулятора, воздействия лазером, я на-

правлю в это же место гравитационный луч и буду давить на стойку.

Подготовили свои аппараты, надели на головы бинокли. – Начали. Элина включила лазер и почти сразу попала лучом в нужное место. Шесть минут грела стойку, а затем я направил гравитационный луч. И вот через две минуты кран начал крениться. Медленно, а затем чуть быстрее и он рухнул на стену строящегося дома, а затем скользнул на крышу лаборатории. Дальше мы не смотрели, а поставили аппараты на самоуничтожение и выбрались из засидки. Суматоха около лаборатории позволила нам незаметно покинуть пустырь. Мы ушли в северном направлении, в новостройки.

Пришли к остановке автобуса в половине восьмого; вскоре туда же подошли Леван и Гиги.

– Это вы натворили там? Около лаборатории шум-гам, суматоха. Полицейские и американские солдаты окружили по периметру лабораторию. Какая причина обрушения ещё не знают, но через день-два, возможно, разберутся и будут искать следы. Вам надо немедленно уезжать.

– Согласны. Сейчас возьмём вещи и вернёмся к автобусу, а вы его попридержите, он через десять минут подойдёт. Таково расписание.

Мы успели к отходу автобуса. Оба наши коллеги решили ехать с нами. Конечно с ними легче в незнакомом городе. Решили возвращаться домой.

В Тбилиси выяснили, что в Россию автобус будет толь-

ко завтра. Имеются рейсы Тбилиси – Ростов-на-Дону, и до Москвы, все идут через Владикавказ. Решили завтра ехать до Владикавказа. На сутки мы поселились в, ближайшей от автовокзала, гостинице. Заняли номер и вышли на улицу попрощаться с коллегами. Они были недалеко от гостиницы.

– Моё предчувствие таково, что мы ещё вернёмся сюда.

– С удовольствием поможем вам. Жаль, что не можем посидеть с вами в ресторане и отметить наше знакомство. Очень жаль. После этих слов наши сопровождающие уехали.

Снова сидим в номере гостиницы, пьём гранатовый сок. Собираемся на обед в гостиничный ресторан.

– Думаю, что на данный объект требуется не менее 300 кг тротила. Это только на центральную, старую, главную часть. Пристроенный корпус тоже пострадает, но не в прах. Для обоих корпусов нужно не менее 1000 кг в одном месте или два по триста. Где их взять и как установить под здания?

Сходили в ресторан и снова продолжаем свои мысли развивать.

Валентина: – Надо применить ядерный эквивалент. Знаю, что имеются небольшие, транспортабельные в чемоданчике, бомбочки ядерные. Тогда и масса заряда и его объём будут меньше и незаметность транспортировки лучше осуществить. Что ты знаешь об этом?

– Знаю кое-что теоретически, из общеизвестных литературных источников. Рассказываю. Значит так. Давно, с 1955-1960 годов в США и в СССР начались работы над со-

зданием компактного атомного боеприпаса. Одни люди работали над созданием гигантов в мегатонны, другие – над уменьшением заряда. Тогда имелся только уран-235 с критической массой 17 кг и из него теоретически можно было сделать 30-килограммовую бомбу диаметром (если это шар) 25 см. Это только размер боеприпаса, а ведь ещё имеются такие детали, как отражатели, защитная оболочка, инициирующий заряд. В итоге где-то 70 кг с диаметром 35 см получили. Более компактную бомбу разрабатывать начали, когда получили плутоний-239. Критическая масса его 10,4 кг, удельный вес – 19,8 г/см³ и тогда объём заряда 52,5 см³ при диаметре 10,1 см. Однако, массу плутония надо немного больше – на 20-35%, тогда надо будет 13-15 кг плутония, а это диаметр шара 11-12 см. Энергия взрыва такой бомбы эквивалентна 10-15 тысяч тонн тротила. Многовато для нашего случая. Меньше получить из плутония невозможно.

– И это, что, тупик?

– Нет. В 80-90-х годах начала получать и изучать такие трансурановые элементы, как амерций и калифорний. Они образуются в ядерных отходах атомных электростанций, которые хранятся уже в течение 40-50 лет. Это из-за длительности периода распада урана. Сейчас накопилось сотни тонн таких отходов. И из 100 кг можно получить 1 грамм того или другого. Так вот, начали получать в промышленных масштабах. Это всего-то десятки граммов. Но. Эти трансурановые имеют уникальные свойства. Например, калифорний. Если

при делении атома урана образуется 2-3 протона, то при делении калифорния 6-8 протонов. То есть скорость лавинообразной ядерной реакции идёт в 3-4 раза быстрее и соответственно возрастает концентрация выделяемой энергии.

Критическая масса калифорния всего 1,8 грамма. Представляешь? Поэтому можно сделать очень маленький снаряд. Сначала получали не очень чистый калифорний и потому делали снаряды для 122-мм и 155 мм пушек, делали мины для 240-мм миномёта. Эти боеприпасы имели до 2 тонн тротилового эквивалента. Есть даже мина калибра 85 мм. Это было в первые годы разработок. А сейчас – вообще фантастика – делают пули для пулемётов калибров 14,5, 12,7 и даже 7,62 мм. Диаметр шарика высокочистого калифорния всего 8 мм. Но там появились трудности – так как пуля очень тяжёлая, то потребовался новый, особо энергетичный порох. Разработали порох. Затем такая беда – самопроизвольное тепловыделение при хранении патронов и потому требуется холодильник для них. Разработали и холодильник переносной для 30 патронов. Иначе (вследствие нагревания) получается самопроизвольный взрыв пороха и атомного боеприпаса.... Мощность пули до 700 кг тротилового эквивалента. Температура в месте взрыва пули до 3000 °С. Это почти то, что нам здесь требуется. Такая пуля танк остановит – расплавит гусеницы, заклинит башню; кирпичную кладку стены расплавит в объёме 1 м³, но не взорвёт здание. Может обрушить конструкцию, но объёмного внутреннего (внутри

здания) взрыва не получить.

Надо иметь что-то более мощное. Например, противотанковую ракету (ПТРК) или миномёт 85 мм с мощностью 800-1200 кг тротила.

Идём дальше. Америкей-242. Критическая масса 17 граммов, удельный вес 13,6 г/см³; при коэффициенте массы 1,33, с отражателем нейтронов из бериллия и с системой подрыва, можно сделать диаметр боеприпаса в 40 мм. Это малокалиберная пушка. Энерговыведение 1 грамма амерция равно 4,6 кг тротила. Ядерный заряд массой 23 грамма даст энергию 105 кг тротила. Маловато в нашем случае.

Можно сделать мину для 82 мм миномёта. И они уже сделаны. Это уже будет мощность в 2000 кг тротила – то, что надо. Америкей чем ещё хорош – он значительно меньше выделяет тепла при хранении и потому не требует холодильника. Храниться может 30-40 лет (период полураспада позволяет). Но тут вопрос точной наводки на объект. Поэтому лучше всего использовать ПТРК с массой боезаряда 3 кг. Дальность точного полёта до 5 км; мощность взрыва 2 тонны тротила. От такого взрыва мы должны находиться на расстоянии 800 метров, не менее.

Вот, кажется, я всё рассказал и сделал логичный вывод. Нам нужен ПТРК с америкеем.

– Отличная лекция. Жаль, нет слушателей, а то были бы бурные, продолжительные овации. А где нам взять эту базуку? А кто позволит нам применять ядерное оружие, да ещё

на чужой территории?

– Сначала мы предложим это нашим кураторам. Пусть думают, пусть идут к главнокомандующему – это только он может разрешить.

– Наш главарь перед всем миром хочет выглядеть пушистым и добрым – он не согласится. Он не думает о безопасности страны, так как евреи. А тут нас травят со всех сторон потихонечку, а если на полный оборот откроют вентили своих баллонов с бактериями, то всем конец. Правильно говорит наш генерал – нужно стереть всё в порошок.

Даже по телефону в зашифрованном виде мы не могли говорить на эту тему с нашим куратором. Мы попросили встречи с ним во Владикавказе, на автовокзале или где он сам назначит. В уютном безопасном месте. Он понял нас и предложил через два дня встретиться на автовокзале Владикавказа. Он завтра же вылетает на Кавказ.

Иван Петрович прилетел первый и встретил нас на автовокзале. На стоянке уже стояла машина с водителем. Свой человек, человек из нашей конторы. Они есть везде. Иван Петрович повёз нас в укромное место. И только там, за глухими стенами мы начали разговор. Мы рассказали, что сделали, объяснили ему техническую ситуацию; про идею с атомным зарядом. Такого ему никто из других групп не говорил. Думаю, что скоро скажут нечто подобное, потому что лаборатории типовые.

– Да, ожидаемо это. Решение правильное, не решение

ещё, но идея. Проблема. Не разрешат, а выполнить задание надо.

– Есть одна возможность, идея, – начала Валентина, – надо взять в наши руки аппаратуру связи с самолёта «Судного Дня» которым пользуется Главнокомандующий для передачи команд по использованию ядерного оружия. Такой самолёт находится в Таганроге в аэропорту «Таганрог-Южный» Таганрогского авиационного научно-технического комплекса (ТАНТК) для профилактического осмотра, ремонта. Я знаю. Случайно от своих знакомых перед самым отъездом в Грузию. Он будет там находиться ещё два месяца. Дадим по радио команду на выдачу нам необходимых ПТРК в количестве (вы сами определите – сколько надо лабораторий в пыль превратить); забираем один из них и возвращаемся в Грузию. Только трубу этой базуки надо снабдить устройством для самоуничтожения.

– Сумасшедшая идея. Расстрельная. Для всех нас.

– Победителей не судят. А вы нам дайте только разрешение на вход в это предприятие; всё остальное мы сами сделаем и всю вину берём на себя. Я бывала там, ориентируюсь. Есть знакомые в руководстве охраны. Прикроют. Вижу два варианта: первый – вынести аппаратуру связи за пределы аэродрома; второй – разговор вести прямо из самолёта, со стоянки. Но там охрана у каждого самолёта. И, конечно, надо знать, как пользоваться всем этим. Нужен специалист, надо знать коды на каждый день. Так, наверное?

– Переговорю с генералом в Москве. А вы будьте готовы и переберитесь в Ростов. Дайте знать – где вы там находитесь.

Нажал на какую-то кнопку, и вскоре открылась дверь, заглянул тот самый шофёр. – Всё готово и шашлык – тоже.

– Спасибо. Мы идём. Выясните расписание самолётов на Москву и Ростов-на-Дону.

– Это у нас под рукой – через минуту будете знать.

Весьма удачно, один за другим наши самолёты поднялись в воздух. Во второй половине дня мы были в Ростове, взяли такси и поехали в гостиницу «Республика».

Два дня гуляли по Ростову, ожидая звонка. Наконец сработал сотовый телефон, и мы слышим голос Ивана Петровича: – Почти все согласны; завтра буду у вас с необходимыми документами. В аэропорт не ездите меня встречать – сам к вам приду.

Рано утром он был в нашем номере. – Ваша идея – это бомба под всех вышестоящих и только люди моего уровня приняли это нормально. Мы на своём уровне смогли сделать вам обоим пропуск на предприятие и в аэропорт. Начальник аэропорта и начальник охраны ждут вас. Мы не могли по телефону говорить ВСЁ, поэтому вы расскажете и убедите их в необходимости этого мероприятия. Если они поймут и правильно воспримут вашу идею, то помогут и с аппаратурой, и дадут специалиста. Заказывать надо шесть гранатомётов и шесть зарядов. С этого момента всё зависит от вас и вся ответственность на вас, а награды – для меня и генерала. Шучу

– вас тоже не забудем.

Продолжает: – Я сниму номер в этой гостинице и буду ждать сообщений от вас, а вы немедленно рассчитывайтесь и езжайте в Таганрог. Вот телефоны, имена нужных вам людей. Вот вам дополнительные деньги, передаёт нам кейс – там два миллиона пятитысячными – кому и сколько вы сами определитесь – там и специалист, и охранник, и прочие неизвестные. Эти деньги вам без расписки. Это наш внутренний фонд, неофициальный.

До Таганрога едем автобусом, на автовокзале берём такси и просим доставить нас до гостиницы «Дом Плотниковых».

Едва зайдя в номер, мы начали звонить по полученным телефонам. Первым нам нужен руководитель предприятия. Не сразу, но дозвонились. Валентина уклончиво, невнятно представилась, сказала, что она от Ивана Петровича.

– Знаю такого.

Валентина: – Вчера вам звонили, что к вам придут два человека с интересной идеей. Мы здесь в городе. Нужно срочно встретиться для разговора. Без посторонних. Не ресторан. Можно у нас в номере гостиницы.

– А если у меня дома?

– Там, где вы – там всегда будут ваши люди – родственники, помощники, обслуга.

– Да, это так. А что за секретность такая?

– Поймёте потом. А здесь, в номере вероятность лишних ушей минимальна. Возможны, конечно, подслушиваю-

щие устройства, а где их нет – подумайте, назовите.

– У меня пока неотложные дела, но через пару часов я буду у вас. Предварительно позвоню.

Валентина уже мне: – У нас как минимум два часа в запасе, надо подготовиться – купить что-нибудь к чаю.

– Вместе пойдём. Такова инструкция. Вечереет.

Сходили в ближайший супермаркет, купили всякого, в том числе и кипятильник, чтобы не тревожить службу гостиничную. Купили на всякий случай пива две банки и две бутылки «Мускатель» Массандровского разлива.

Действительно, через два часа звонок: – Буду у вас через десять-пятнадцать минут.

И вот стук в дверь. Открываю – перед нами высокий, плотный черноволосый без залысин мужчина под пятьдесят. Представился – Кутепов Пётр Тимофеевич. – Учитывая вашу секретность, я отпустил шофёра за два квартала от гостиницы. Домой поеду на такси.

– Всё верно. Чай, кофе или пиво? Пока мы своих имён не называем. Пусть это вас не тяготит, возможно, это будет для вас потом облегчением. Если захотите знать наши имена, то в конце, после положительного разговора. А если разговор будет отрицательный, то, безусловно, не представимся.

– Понятно. Кофе. Без сахара. Первую чашку не закусываю. А потом можно и кекс, например. Шутка.

– Имеется. А сам думаю – человек с первых минут может пошутить – значит, вполне адекватен.

Валентина: – Вы, конечно, знаете, из какой конторы вам звонили и просили о встрече с нами. Мы тоже оттуда. Поэтому начну без большого предисловия. Мы выполняем задание, которое должно обеспечить безопасность нашей страны. И она доходчиво, но без длиннот, рассказала о лабораториях и о решении уничтожить их; о возникших трудностях и об идее, как их преодолеть.

– Сумасшедшие. И это берётесь делать именно ВЫ. ВЫ ОБА? Невероятно. Я думал, что такими фантазиями занимаются двадцатилетние, а тут...

– Извините, но это далеко не первая наша работа. Мы на отличном счету у руководства. Мы только что (неделю назад) преодолели в связке Главный Кавказский хребет в Грузию с оборудованием, которое там не подошло – не та мощность. И ещё пойдём тем же путём, но с другой мощностью.

– А вам дадут ту, необходимую вам, мощность.

– С вашей помощью. Нам нужен радиоспециалист по оборудованию самолёта ИЛ-86ВЗПУ.

– Я давно понимаю, что действовать во имя защиты страны нужно так, как действуют израильтяне – уничтожать малейшую возникшую опасность. Не считаясь с визгами западной прессы. Ну, а для чего вам нужен такой специалист?

– У вас на стоянке находится этот самолёт, на профилактике. Нам дали полномочия переговорить с борта этого самолёта с командующим Южным Военным Округом, с начальником штаба округа, а также с начальником боеприпа-

сов ЮОВО.

Я перебиваю: – Не переговорить, а дать указание на выдачу нам в ближайшем складе несколько гранатомётов с ядерными зарядами.

– Допустим, есть такой специалист, а как вы проникнете на борт самолёта?

– Это второй этап переговоров. Начальник охраны также уведомлён о нашем прибытии. Будет разговор о доступе к самолёту. Если вы и он заинтересованы в безопасности нашей страны не на словах, а на деле, то всё получится.

– А как там на САМОМ верху, в курсе?

– Нет. Но на среднем уровне все всё понимают, согласны помогать и действовать. На свой страх и риск. На высшем уровне какие-то животные страхи – а что скажут за бугром.

– Да это и понятно – за бугром у них вклады и недвижимость, дети в университетах-колледжах, у некоторых детей бизнес на миллиарды. Не те люди во власти, не патриоты.

– Ну, вот, видите. И мы видим, что вы прониклись идеей. Вы как к «Мускателю» относитесь?

– А что есть? Такой разговор требует смазки. Водки не надо, а «Мускатель» в самый раз, тем более, что дама в компании.

Я вскрыл бутылочку, разлил в фужеры. – О, Массандровский. Скоро и Массандровский винзавод продадут, что-то будет.

– То ли не будет вина, то ли будут заоблачные цены. Так

что воспользуемся, возможно, последней возможностью. Такое вот словосочетание.

С удовольствием выпили. Почти все залпом – необыкновенная жажда образовалась от нашего жаркого разговора.

– Дам я вам специалиста. А когда он нужен будет? Сегодня что? Ах, да – среда? Всё нормально, завтра он работает.

– Завтра утром мы намерены переговорить с начальником охраны. Где это лучше сделать? У него в кабинете или в вашем кабинете?

– У меня. У меня имеется закрытая комната для конфиденциальных разговоров. Я буду присутствовать при разговоре. Он мужик нормальный. Поймёт.

– Кстати, у нас имеется доступ на территорию вашего предприятия, в любую его часть.

– Тем легче, выпишу вам пропуск завтра и приходите.

Валентина: – Есть один щепетильный нюанс – вы можете взять некоторое количество денег за помощь нам?

Пётр Тимофеевич: – Ни в коем случае. Дело патриотичное, идейное. Да и я весьма обеспечен. Другое дело тот инженер. У него на днях родился третий ребёнок, что предполагает значительные расходы.

Валентина: – А какова его зарплата?

Пётр Тимофеевич: – Сорок пять тысяч, изредка премии за сверхурочные, за секретность.

– Понятно, мы сориентируемся. Он будет доволен.

На следующий день в десять часов мы были в кабинете у

Петра Тимофеевича, здесь находился ещё один человек.

Пётр Тимофеевич: – Знакомьтесь – Игорь Григорьевич, начальник охраны.

На вид ему не более сорока пяти, русоволос, аскетичное лицо, глубоко запавшие, пронзительные глаза. Если чуть подгримировать – то вылитый Феликс Эдмундович.

– Очень приятно, а мы сотрудники некой конторы, из которой вам на днях звонили по нашему поводу.

– Давайте пройдем в комнату переговоров. Секретарю сейчас скажу, чтобы никого сюда не впускал, не звонил, чтобы не отвлекать в течение тридцати минут. Для сути разговора, я знаю, этого хватит. Он подошел к угловому книжному шкафу и развернул его. Открылась дверь.

Мы вошли. Почти пустая комната четыре на четыре метра: маленький журнальный столик, четыре стула около него и два кресла у стен; узкий столик у стены, на котором чайник, кофеварка, чашки; тумба, очевидно, бар.

– Присаживайтесь к столу, вы начинайте точно так же как и мне вчера говорили, а я сооружу кофе на всех.

Елена глубоко вздохнула, внимательно осматривая настоженного начальника охраны и начала. Говорила точно так же как и вчера. У Игоря Григорьевича всё более округлялись и выкатывались наружу глаза. Когда она дошла до момента переговоров с Петром Тимофеевичем о радиоаппаратуре самолёта «Судного Дня», тот поставил на столик перед всеми по большой чашке кофе и говорит:

– Да, Игорь Григорьевич я согласен на это дело. Родину надо защищать.

– А о чём и с кем вы будете говорить по радио. Это наи-секретнейший канал связи Главнокомандующего. И только Главнокомандующего, ну, может быть, ещё начальника штаба всех войск России. Немного ещё подумал, и: – Возможно, в данном деле мне незачем знать, о чём вы будете говорить, но я хочу знать – за что меня будут расстреливать.

– Расстрелять вас могут только тогда, когда вы предоставите нам доступ в самолёт, и всё будет провалено, а если вы сегодня же сдадите нас, то вас ждут большие награды.

– Резонно. Доступ будет обеспечен. Я за то, чтобы страну защищать на дальних и ближних подступах, а не у стен Москвы. Как в 41-ом. Ещё чуть-чуть о том, как вы будете действовать дальше. После Таганрога.

– Хорошо. Повторюсь. Мы убедились, что новым гравитационным оружием лабораторию в прах не уничтожить. Повредить можно. Мы рассчитали, что требуется около одной тонны тринитротолуола. Столько взрывчатки мы не можем перетаскать и заложить под стены. Требуется миниатюрная атомная бомба.

По радио от имени Главнокомандующего мы потребуем выдать нам (нам – это штабу по ликвидации биологических лабораторий) шесть гранатомётов с ядерным боеприпасом на эквивалент в 2 тысячи тонн тротила, то есть трубы и ядерные заряды к 85-мм гранатомёту, то есть заряды с 3 кг амер-

ция. Мы знаем, что нам надо. Тогда мы (она показывает на меня и себя) берём один гранатомёт и совершаем тайный переход в Грузию. Мы уже там были этой тропой неделю назад и знаем, как пройти. Этим гранатомётом мы уничтожаем в прах лабораторию вместе с её персоналом.

– А справитесь?

– Скажем так – доверяют нам это дело. Ничего сложного нет.

– Ну и ну. А как вы спасётесь от атомного взрыва?

– Стрелять будем с расстояния в один километр из-за укрытия. Нам известно такое место.

– Когда вы намерены осуществлять радиосвязь?

– Во-первых, это нужно делать в начале рабочего дня, когда нужный нам начальник на рабочем месте. Во-вторых, хоть сегодня, но сегодня уже поздно. Завтра.

– Хорошо. Давайте завтра в 07:50, так как в это время начинается смена караула, и я покажу вас караульному и начальнику караула.

– С нами будет ещё радиоспециалист, которого сегодня представит нам Пётр Тимофеевич.

– Лады. Мы его знаем. До завтра. Мне уже надо спешить – свои дела.

Он ушёл, и мы вышли из комнаты переговоров, а Пётр Тимофеевич тут же дал задание секретарю, чтобы найти и привести сюда Судоплатова Евгения – радиоспециалиста.

Вскоре он появился.

– Как здоровье ваших детей, Евгений Борисович, как жена себя чувствует? – Спрашивает Пётр Тимофеевич.

– Пока всё в порядке. С малышом всё только начинается, а те, что постарше, те уже помогают.

Евгению на вид 33-35 лет, но Пётр Тимофеевич говорил вчера, что ему 27. Утомлённый вид, но взгляд уверенного оптимиста. Трудности семейные временное явление – через 5-7 лет вновь расцветёт.

– Дело такое, Евгений, вот этим людям нужно показать, как работает спецсвязь в самолёте «Судного Дня». Показать, научить работать, а затем реально включить её и выйти на связь с Командующим ЮВО. Они будут разговаривать. С земли связь возможно установить с Ростовом?

– С земли, конечно, хуже связь, чем с высоты, но вполне возможна.

Крайнее недоумение, множество вопросов на лице; но привык уже к военной дисциплине – у начальника ничего не спрашивать: – Я думаю, что я смогу это сделать. А когда нужно выходить на связь?

– Завтра в половине десятого утра. Подойдёшь без опоздания к 08:00 в караульное помещение. Там Начальник охраны даст распоряжение на доступ всех вас в этот самолёт.

– Хотел отгул взять на завтра.

– После этого разговора ты будешь свободен на столько дней, на сколько захочешь. Более того за эту работу будет отдельная плата. Сразу на месте. Наличными. Они с тобой

расплатятся.

– Денежки мне, конечно, лишними не будут. Сами понимаете.

– При этом, вот этот разговор никому не разглашать. И всё, что завтра услышишь – тоже всё под запретом. В общем-то, ничего интересного. В кино бывает интереснее. Аппаратура там в порядке? Проверял?

– Да, только сегодня там делал профилактику.

– Ну, до завтра.

Евгений ушёл. А Пётр Тимофеевич: – Ну, вот, рубикон перейдён.

Встали рано, не спеша собрались, плотно позавтракали. Такси вызывать не стали – ни к чему лишние глаза. Пошли пешком – не велик город. Рассчитали точно и в назначенное время подошли к караульному помещению.

Игорь Григорьевич представил нас и дал указание привести нас на стоянку самолётов и впустить в него. Дело, видимо, обычное – ещё одни специалисты будут работать с аппаратурой. Много их бывает из других городов.

Аэродром. Видим два Бе-200, два АН-2 и в центре возвышается ИЛ-86ВЗПУ (Воздушный командный пункт); у него мало иллюминаторов – это для упрочнения конструкции; наверху корпуса нечто вроде гондолы продолговатой. Около него часовой с автоматом. Мы чуть в сторонке, а разводящий меняет часовых. Евгений и ещё один освободившийся часовой подкатывают трап. Разводящий вскрывает пломбы на

дверях и жестом показывает, что мы можем входить. Охранники ушли, часовой отошёл к хвосту самолёта, а мы поднялись по трапу. Евгений зашёл первый, включил свет. Отсек обслуживающего персонала, далее отсек электроники; далее отсек отдыха командующего и замов.

Евгений показывает и рассказывает только то, что нам понадобится. – Посидите, привыкайте, рассматривайте. Я вам объясню, что есть что, но без внутренних секретов. Как я понял, ваш разговор строго секретный будет, и я буду обязан выйти, поэтому вы должны уверенно пользоваться аппаратурой. Без меня. Конечно, если что, то вы окликнете меня – я буду сидеть на трапе.

Мы осматривались, привыкали. Затем Евгений, пока без включения, показал, что надо делать; затем включил аппаратуру на прогрев; замигали лампочки, засветился дисплей. – Всё работает обычно от электрогенератора, но можно кратковременно и от аккумуляторов. Я думаю, что вы будете кратки в разговоре и полчаса, часа вам хватит.

– Да, хватит. Давайте выходить на реальную связь с Командующим ЮВО. Как только связь установится, так сразу вы, Евгений, выходите из салона.

Он включил несколько тумблеров и произнёс: – Второй, как вы меня слышите? Приём.

– Первый, слышимость на четыре. Это что – проверка связи?

– Не совсем, Нужен командующий и с ним будет говорить

Верховный.

Через минуту: – Слушаю вас товарищ Верховный. Услышали мы весьма взволнованный голос. Тут Евгений покинул самолёт.

– Товарищ Голованов, спокойно. – Я пытаюсь говорить известным голосом Верховного Главнокомандующего с его характерными интонациями, хорошо, что у меня не бас и не дискант. – Нет никакой боевой тревоги, нет и учебной тревоги. Вас я попрошу выполнить один мой приказ. Не будем терять драгоценного вашего и моего времени. Подоплёку вы сможете услышать после моего приказа, если не поймёте и попросите. Итак, вам следует распорядиться, чтобы выдали со склада шесть гранатомётов РПГ-82ЯБ с шестью боеприпасами. Эти гранатомёты необходимо доставить к зданию ФСБ в Ростове-на-Дону. При этом, при транспортировке нужно держать связь с человеком по имени Иван Петрович по телефону (и он называет номер его сотового телефона); нужно сообщать через каждые десять минут, как движется автомобиль, где находится, и примерное время подхода к месту встречи. Он покажет место разгрузки. Всё. Вам ясен мой приказ.

– Да, я всё записал РПГ-82ЯБ – ядерный боеприпас. Понятно, что это мелочи, что это не боевые действия.

– Правильно. Превентивные мероприятия по охране страны. Будьте здоровы. Мы сообщим вам, как мы их применили.

И я выключаю связь. Валентина выглядывает из самолёта: – Евгений, выключай всё. А сама смотрит на меня и спрашивает: – Ему хватит 200 тысяч рублей за такое мероприятие? Много это или мало?

– Нормально.

Евгений заходит и выключает оборудование. А Валентина отсчитывает в кейсе необходимую сумму, укладывает их в полиэтиленовый пакет и вручает его Евгению.

– Тебе и твоим детям. Это достойная сумма за то, что ты сделал для нас и для страны.

Он, не считая, засунул пакет во внутренний карман куртки, и поблагодарил кивком головы.

Пошли на выход. Он домой, а мы в кабинет начальника охраны.

– Игорь Григорьевич, как вы считаете, нужно ли проплатить за молчание охранникам? Кому и сколько, если нужно.

– Думаю, что нужно. Но, с другой стороны, это может насторожить, что всё делалось незаконно.

– Хорошо. А может быть передать караулу, после окончания службы сегодняшней, коробку с банками пива, например, от москвичей. Мы москвичи, мы работали под их охраной, и нам было спокойно.

– Им можно, а мне ничего не надо. Нельзя за такие дела деньги брать. Сделаем так. Я понимаю, что вам некогда ждать окончания их рабочего дня, поэтому давайте денежки, а я куплю пару коробок «Балтики- 6» и передам им от

вашего имени.

– Сколько это примерно стоит.

– Две тысячи рублей.

Мы ушли. Навалилась усталость. Мы работали под Верховного (!). В номере мгновенно уснули, не раздеваясь. Через час бодренькие стали звонить Ивану Петровичу.

– Выезжайте в Ростов. – Взволнованно сказал он.

Мы снова в гостинице «Республика». Через десять минут стучит в дверь Иван Петрович: – Что, как разговор состоялся?

Мы обстоятельно рассказали, как шли переговоры с Кутеповым, с начальником охраны, с командующим ЮВО от имени Верховного Главнокомандующего. Командующий ЮВО подвоха не заметил.

– Вероятно, уже завтра от него вам будет звонок о том, что идёт машина с гранатомётами. Нужно иметь свою солидную машину, чтобы их перегрузить – не в ФСБ же их сдавать. Перегрузить и отвезти в своё убежище. Наверняка у вас здесь имеется такое. Мы сразу возьмём один, а остальные вы по своему усмотрению. Только нас нужно обучит пользоваться этой шарманкой.

– Понятно, что машину с грузом надо перехватить перед самым зданием ФСБ и отправить её перегружаться в укромное место. Желательно, рядом в каком либо тупичке, переулочке. Надо осмотреться. Вот, что нужно немедленно сделать сейчас. Идёмте на улицу, там нас машина ждёт с мест-

ным специалистом. Мне это место надо обязательно знать, так как я буду встречать машину с грузом, а вам тоже будет полезно.

Мы тут же пошли на выход. Пижонистый «Фольксваген» на пять персон и водитель ждали нас. Мы расселись, и Иван Петрович объяснил водителю задачу. Через семь минут мы были около здания ФСБ, проехали мимо, оглядывая все улочки. Нашли подходящий переулок. Вышли посмотреть.

Валентина: – Здесь можно, но надо иметь ширму или две, чтобы отгородиться от любопытствующих. Ширмочки небольшие, складные на две-три части. Найдутся? А вид сверху каков? Хорошо бы в арке.

– Ну, и машину надо другую взять – ВЭН или микроавтобус.

Водитель: – Найдётся необходимая по габаритам. А здание с аркой имеется тут рядом. Давайте посмотрим.

Проехали всего двести метров в сторону ФСБ и там широкая арка во двор.

– Встанем впритык к стене задом друг к другу, а с другой стороны поставим ширму, и люди смогут проходить. Работы будет всего на пять минут.

– Федя, ты сейчас отвезёшь нас в гостиницу, а сам едешь менять машину. Сразу на ней подъезжай к гостинице, так как звонок может быть в любое время. С момента приказа прошло уже шесть часов.

Ещё не поздно, время пятнадцать часов, но нам неизвест-

но – где этот склад находится – то ли в окрестностях Ростова, то ли под Новороссийском.

– Приказ такого уровня должен быть исполнен безотлагательно, сверхбыстро. Пока есть время пообедаем, может быть.

Пообедали, сидим в нашем номере, пережёвываем нюансы наших переговоров, поездок, предстоящее дело. Нужно базуку эту упаковать, чтобы лямки были для ходьбы в горах; нужно как-то максимально обезопасить людей, живущих недалеко от лаборатории; нужно подобрать место стрельбы с возможностью укрыться от ударной волны, и с удобным уходом.

Неожиданно засигналил телефон у Ивана Петровича.

– Слушаю.

– Иван Петрович?

– Да.

– Это вы заказывали шесть предметов с индексом ЯЗ?

– Да.

– Мы уже загрузились и выезжаем; через полтора часа рассчитываем быть по указанному адресу.

– Ждём.

– Вот оно как, а нашего водителя с машиной всё нет. Сейчас звоню ему.

Он звонит, и мы понимаем, что машина в пути – проблема была с охраной. Через двадцать минут один за другим два звонка. Первый – наша машина стоит у гостиницы; второй –

машина с грузом в северном пригороде.

Мы выходим, усаживаемся в микроавтобусе с занавешенными окнами в салоне. Всего шесть сидений – остальные убраны, это место для грузов, имеется задняя дверь. Поехали к месту встречи.

Звонок: – Въезжаем в город по улице Особенная. Город знаем плохо, едем медленно. Мы на армейской «буханке».

Сориентировались, с какой стороны они подъедут – это важно – надо, как можно быстрее уезжать из-под окон конторы. Мы-то находимся на ул. Горького, в центре.

Наконец едет «буханка», дали ей проехать мимо здания ФСБ, чтобы они увидели его и убедились в нашей к ней принадлежности. Иван Петрович вышел им навстречу помахивает рукой и показывает, чтобы следовали за нами. Подъехали к арке, передом внутрь встали у правого края, Иван Петрович показывает, что им надо развернуться и задом подъехать. Подъехали, вышли двое, а двое внутри остались. Объяснились с Иваном Петровичем. Мы выставили ширму, раскрыли задние дверцы у обеих машин, начали перегрузку. Два ящика. Предварительно Иван Петрович заглянул в них, убедился в маркировке. За две минуты закончили перегрузку.

– Что так и разъедемся? – Говорит старший военной машины.

– Мы сейчас не можем ни в ресторан, ни в другое место. А вот вы можете. Вы уже свободные от груза. Дело вы сделали,

поэтому мы дадим вам двести тысяч на всех – выпейте за нас.

– Тоже неплохая идея. Мы помянем вас добрым словом.

Валентина выдала им пачку денег, и военные уехали, и мы выехали из-под арки. – На базу, – Говорит Иван Петрович.

На восточной окраине города в районе улицы Вересаева за бетонным забором двухэтажное здание. Въезд только после предварительного звонка по телефону. Охрана внутри периметра.

В доме на первом этаже имеются комнаты отдыха, кухня. Нас ждали два человека. Одного представили, как специалиста по гранатомётам. Он вскрывал ящики, осматривал каждый предмет, потрогал, плотно обхватив ладонями мины – тёплые. Понимающе ухмыльнулся. Затем начал показывать нам, как обращаться с ними. Как устанавливать заряд, как удерживать трубу, целиться, включать блок наведения, приводить в боевое положение пусковой механизм и стрелять. У заряда данной конструкции имеется возможность самонаведения по лазерному лучу. Точнее – по отраженному лазерному лучу от объекта. То есть один наводит на объект лазер, другой управляет базуккой.

Валентина: – А лазер, какой системы нужен в этом случае? Специальный?

– В общем-то, да, желательно, специальный, но можно и лазерной указкой (5-10 Вт), если объект недалеко. Цвет лазерного луча должен быть красный, достаточно мощный – 50-100 Вт для расстояний 4-5 км, а конструкция неважна. В

этих ящиках я не нахожу его. Надо искать. В городе на рынке можно найти. Бывшие военные люди много чего продают нынче. Завтра я схожу. Цена может быть от 50 до 100 тысяч рублей.

– Мы вам дадим сто тысяч и сдачи не надо. Но чтобы он был рабочий и безотказный, с аккумулятором и не слишком тяжёлый. До пяти килограммов вместе с аккумулятором. Дальность действия до трёх километров.

– Понятно. Что останется – себе? Я правильно понял?

– Правильно. Но если требуемая сумма будет превышать, то мы вам добавим. Лазер должен работать безотказно – от этого зависит и наша жизнь, и безопасность страны.

На следующий день он принёс в гостиницу лазер с необходимыми характеристиками. Выполнен в виде детского игрушечного ружья – ложе, приклад, ствол, ремень. Аккумулятор в прикладе. – Обошёлся он мне в шестьдесят тысяч. Это первый вариант от такого комплекта, нынче они более компактны из-за новых аккумуляторов. Если у вас есть время, то можно поискать и новый аккумулятор. В нём сейчас всё-таки не аккумулятор с жидким электролитом, а сухая батарея. Стандартная. Имеется во всех автомагазинах.

– Времени нет – мы уже завтра, или даже сегодня выедем на задание – зависит от расписания самолёта.

Иван Петрович звонит начальнику базы: – Слушай, дорогой, сегодня имеется авиарейс на Грозный в 19:00, мы со-

бираемся вылетать; вопрос – пилот этого самолёта тебе знаком? Нам нужно, чтобы пилот взял с собой в кабину наше оборудование.

– Подождите минут пятьдесят – выясню.

– Считайте, что повезло – он мой знакомый. Он, оказывается, подменил сегодня другого по его просьбе. Я еду с вами в аэропорт. Иначе никак не получится.

Летим втроём. Иван Петрович провожает нас на тот же горный маршрут. Самолёт Ан-24, да плюс к тому же на восток летим, поэтому приземляемся в 22:00. Нас встречает Алексей, везёт на свою базу. Ночуем. Утром он делает нам пропуск в пограничную зону и везёт Итум-Кале. Там снова тот же капитан пограничник.

– Зачастили вы к нам. Понравилось, видимо. Сегодня вы, что, втроём идёте?

Иван Петрович: – Нет, я остаюсь. Я провожатый. Я хочу увидеть, как это происходит – подход к границе и переход.

– Охо-хо, только до речки вы сможете их провожать, а подход в шесть километров с альпинистами, скалолазами... увы. Голова закружится, не дай бог.

– Ну, хотя бы так. Хочу проникнуться.

Иван Петрович, коренной москвич, редко выезжающий на лоно природы, с удивлением и азартом смотрел на зелёные склоны, на заснеженные вершины дальних гор. Манили приключения его, как юношу, начитавшегося книг про боевиков.

На перевале, на погранзаставе он уже задыхался, одышка и мышечная слабость. Сразу лёг отдыхать в одной из камер. А мы и Алексей заняли две другие. На заставе люди ничему не удивлялись. Пришёл Николай поздороваться с нами, спросил только, когда намечен переход.

– Завтра утром.

– Сразу, без акклиматизации?

– Время не терпит.

– Пойду готовиться.

В семь утра подъём, одеваемся в альпинистское снаряжение. На вездеходе нас всех подвозят к речке, по которой мы в прошлый раз начали восхождение. Уже середина мая и речка на много полноводнее. Прощаемся с провожатыми, с Иваном Петровичем.

Сначала мы не думали брать Алексея, так как груз сейчас чуть полегче, и у меня, и у Валентины. Но он убедил, что сейчас мы без акклиматизации идём, состояние на вид даже у нас хуже, чем в прошлый раз. Видимо нам немало досталось за прошедшее время. Хуже вам не будет от того, что я с вами. А спускаться обратно одному Николаю гораздо сложнее. Убедил.

Идём в том же порядке; снаряжение у нас практически такое же, за исключением того, что на мне базука, как винтовка у биатлонистов. Она упакована так, что сразу не поймёшь – что там у вас, ребята, в рюкзаках? Без приключений преодолели четырёхэтажную скалу и начали движение по леднику.

Талая вода проделала несколько ложбин, которые слились в один лоток, и как раз в том месте, где раньше любил подниматься Николай, образовался водопад,

Мы ушли, а провожающие долго стояли и смотрели, как мы тераемся среди скал и кустарников.

– Вот вы приехал из Москвы их провожать, – говорит капитан, – стало быть, дело у них весьма ответственное.

– Тяжелее не бывало ещё. Если провал, и если бы это было, например, в 70-е годы, то дело расстрельное.

– А я-то думал, что только мы под прицелом ходим.

– Ваш прицел – это с той стороны, а у нас – с этой. И даже генерал у нас сейчас под прицелом. До неопределённого времени, пока они не возвратятся. А потом ещё хуже может быть – зависит с какой ноги начальник встанет.

– А кто же этот ваш начальник? Секрет?

– Наш «Главный Сказочник Всея Руси».

– Оп-па...

– Ну, что ж, придётся опять воспользоваться прежним нашим маршрутом. И мы пошли налево обходить скалу.

Передохнули. Зазеленела трава на склонах, сразу за ледяными линзами. Скалы сухие, нет льда в ложбинах – ещё бы, ведь даже ночью температура стала положительной. Ситуация гораздо лучше, чем в первый раз. Площадочки и балкончики на прежнем месте, верёвки всё так же крепки. Ироничные улыбочки на наших лицах. Чепуха – пройдем.

– Ну, друзья, – Говорит Николай, – не расслабляйтесь. Это

горы, они остались без изменения, такие же сложные и коварные. Я вижу, у вас нет азарта в глазах – это плохо. Настраивайтесь на сложную работу. Давайте ещё посидим, полежим. В таком виде я вас не могу сопровождать. Недалеко и до беды. Походите около этой горы вправо, влево, посмотрите, насколько она серьёзна. Есть у меня таблетки, улучшающие восприятие в горах, когда наступает кислородное голодание. В прошлый раз они не понадобились – вы тогда были в отличной форме. А сейчас вы размагничены. А надо пройти безошибочно. Вам предстоит работа на той стороне. Помните об этом.

Он начинает рыться в рюкзаке, извлекает алюминиевый цилиндр, отворачивает крышку. Извлекает на ладонку три таблетки и даёт нам по одной. Достает фляжку с водой. Глотайте, запивайте. Двадцать минут отдыха после приёма таблетки. За это время очистите мочевой пузырь и кишечник. Действует таблетка в течение двух часов.

Действительно, через двадцать минут мы видим, что гора нависла над нами, мы видим малейшие углубления в ней для ног. Мы сосредоточились на подъёме. Мы просчитываем маршрут подъёма, каждое своё последующее движение.

– Ну, я пошёл, – говорит Николай, – и начал восхождение до первой площадки.

Всё происходило точно так же как и в первый раз. Мы наверху, на плато, но руки и ноги дрожат. Не от холода, а от перенапряжения физического.

Николай сразу ушёл на грузинскую сторону.

– Нет, какой же молодец Николай, – говорит Валентина,

– намного младше нас, а каков мудрец. Вот что значит специалист-альпинист. Сегодня было много тяжелее, чем в прошлый раз.

– Да, потеряли мы физическую форму с этой подготовкой.

Нервы поистрепали. Но сегодня 9 мая, ты помнишь об этом.

– Совсем забыла, не слежу за датами.

Вернулся Николай. – Они там, всё те же ребята. Отдохнули? Пошли.

– Мы идём, но прими наши поздравления с 9-м мая, и с нашей победой. Спасибо тебе.

– Спасибо. Не за что. Моя работа. Успехов вам.

Гиги и Леван радостно приветствовали нас.

А мы им сразу: – С праздником 9-го мая!

– У нас здесь это давно уже не отмечают. Печально это. Давайте готовиться к походу. Вы после восхождения подкрепились?

– Нет. Только водицы горячей испили.

– Тогда вот, хачапури, есть мясо отварное, сыр, горячий кофе. Давайте, десять минут и пошли.

– Вы ешьте, мы собираемся, разговаривать о вашем деле некогда.

Идём. В пути тем более не поговоришь. Только на привале, на ночёвке.

Привал с ночёвкой. Гиги: – Здание достроили – восемь этажей оно; крышу лаборатории отремонтировали; причину обрушения крана, как будто, не обнаружили; на пустыре никто не был, ничего не искали. Журналисты молчат. У вас новое задание?

– Задание старое, а вот оружие новое. Можно действовать с расстояния 1-3 километров. Но, оно же может и нас убить, поэтому нужен, во-первых, высокий объект, с которого мы стрельнём, а во-вторых, нужно сразу спрятаться, даже не глядя на взрыв. Мы уже видели за пустырём строящиеся дома. Это расстояние около двух километров до лаборатории. Подойдёт, если найдётся в тех домах комната пустая, на высоте четвёртого-пятого этажей.

– Мы знаем эти дома, они ещё не достроены и в них никто не живёт, так, что на выбор.

– Если так, то мы даже в гостинице заселяться не будем, а сразу туда.

Элина: – Что для нас морально важно, так это то, что жильцы близлежащих домов от лаборатории могут пострадать. Надо хотя бы людей из дома, из квартир, что окнами к лаборатории, удалить на два-три часа. Оповестить, что будет учебная тревога и некие действия по эвакуации.

– Реально там будет яркая вспышка и мощная взрывная волна; будут выбиты стёкла; будет радиация кратковременная.

– Попробуем. Мы с вами приедем на стройку в середине

дня. Вы останетесь там на своём месте, а мы с Леваном в посёлке обойдём все подъезды, ближайшего к лаборатории дома, предупредим – завтра покинуть дома с 9 до 12 часов. Правильно?

– Да. Вы тоже спрячетесь за домами. Время мы с вами на месте уточним. Потом вы приедете за нами и отвезёте в Тбилиси на автовокзал. Но утром вы тоже людей гоните, а за пять минут уходите за два-три дома.

Дневной переход без приключений; вторая ночёвка; утром прошли ещё четыре километра и вот – кемпинг с машиной на автостоянке. Мы опять спим, как убитые и только перед самым аэропортом нас разбудили. Подъезжаем к посёлку «Аэропорт», проехали его; снова дома, поворот направо; снова дома и вот новостройка. Сразу шесть домов строится. Остановилась стройка здесь – заросли трав. Некоторые дома высотой в шесть-семь этажей, другие в два-три. Выбрали шестиэтажный, стоящий ближе к пустырю.

Вышли из машины только я и Леван, пошли к дому. Явный заброшенный недострой. Дверей нет, в окнах есть стёкла, но на лестнице относительно чисто. Бомжей нет. Поднялись на третий этаж – лаборатория еле просматривается из-за двух деревьев, стоящих метрах в пятидесяти от дома. Поднялись на четвёртый этаж – вот, уже лучше. Выше и не надо.

Спустились. Я взял свои вещи, Элина – свои, Леван прихватил газовую походную плитку, баллончик, маленькую кастрюльку, которая может заменить и кофеварку; канистру

пятилитровую с водой. Поднялись в облюбованную квартиру на четвёртом этаже. Ещё раз с Элиной и с помощью бинокля осмотрели пустырь, и стены лаборатории. Принимаем решение.

– Мы здесь ночуем и отсюда воздействуем на стены лаборатории. Хорошо, что построенный там дом, находится с южной стороны – он слегка защитит жителей ближайшего дома от ударной волны, от светового излучения. Дом всё воспримет на себя и развалится.

– Что же это будет?

– Новая взрывчатка. Вам не нужно знать. Когда не знаешь, то не о чем и рассказывать.

– Понятно. Потом узнаем.

– Решено – время взрыва в 09:30. Солнце будет светить сзади-слева, полёт снаряда будет плохо виден или совсем не виден.

Помощники уехали. Мы расположились в ванной комнате (ванны и раковины ещё не были установлены), чтобы свет газовой плиты не был виден. Заварили бульон из спец-пайка, достали мясо варёное, хлеб. Чтобы не было даже запаха мы не стали заваривать кофе, а пили просто кипячёную воду с халвой. Тут же устроились спать. Холодно, но пористые полиуретановые коврики спасали и от бетонного холода и от жёсткости.

Первые шесть часов спали беспробудно, а потом мучились до рассвета. Шесть часов утра и потому мы, не спеша,

приготовили точно такой же завтрак и занялись снаряжением. Она настраивала лазер, а я – базуку. Всё готово к выстрелу. За час до момента выстрела мы стали замечать следы своего пребывания и готовить рюкзаки к бегству. Сжигать базуку будем в подвале, а лазер Элина забирает с собой. Она уберёт батарею и сожжёт её вместе с базуккой, а оставшееся ружьё – ну, это просто детская игрушка. В рюкзак вмещается и незаметно даже.

Время приближается; я в одном окне, Валентина с лазером – в другом.

– Начали. Валентина наводит лазер на центр стены и включает его. В бинокль видно красное пятно. Я нажимаю необходимые кнопки, укладываю базуку на плечо, прицеливаюсь в центр стены и нажимаю «пуск». С шипением мини-ракета пошла на встречу со стеной, а я бросаюсь в угол на пол. Валентина ещё держит пятно лазера на стене – она, через надетый на голову бинокль, видит полёт мины (он не такой уж и быстрый), и в самый последний момент, когда ясно, что мимо стены мина не пролетит, выключает лазер и бросается в мой угол. Лицом вниз, закрыли глаза – ощущается яркая вспышка, потом содрогнулось здание, вылетели стёкла в одном окне. Полежали ещё две минуты, встаём, выглядываем в окно – там клубы дыма, лаборатории и 8-этажного здания нет. Смотрим в бинокли – сплошные развалины, что-то горит в нескольких местах и... безлюдье. Надеваем рюкзаки и спускаемся в подвал. Сжигаем трубу базукки с помощью

термитного заряда, батарею, закидываем остатки землёй. На всё это уходит двадцать минут.

Выглядываем на улицу. Машины нет. Пришла она только через полчаса.

Гиגי: – Ну, вы и натворили делов, мы еле живы остались. Оглохли. Яркая вспышка была; да, мы были за вторым домом вместе с машиной. Жители оказались люди с пониманием, так как знали где и рядом с кем они живут. Ужас обуял их после взрыва. Все окна в домах вылетели. Машина наша не стала заводиться сразу, а потом пробки на дороге – все машины остановились одновременно. С трудом извернулись.

– Ладно. Дело сделано, надо уходить.

Едем той же дорогой, по которой наши помощники приехали, и видим слева дымящиеся развалины; толпа людей около первого от развалин дома; машина полиции, пожарная машина.

Леван: – Я ещё успел услышать там за домом, что вот, мол, и хорошо, что грохнулась эта лаборатория. А сейчас я вижу, что она сгорела дотла. И, хорошо бы, чтобы все микробы там сгорели.

Выбрались на Кахетинское шоссе и помчались в Тбилиси на автовокзал. Вскоре автобус на Ростов, но мы только до Владикавказа. Посоветовали нашим помощникам больше не ходить туда – микробы, возможно, радиация. Но следить за развитием ситуации вокруг этого несчастного случая нужно. Пресса, слухи, бинокль. Хорошо бы иметь выход на около-

правительственный уровень, на американское посольство.

Сразу на автовокзале Владикавказа позвонили Ивану Петровичу. Он недалеко, он догадался, что надо быть во Владикавказе. В Москву он не уезжал. Вскоре встретились. И вот мы на местной базе. – Уже сегодня утром американская пресса пишет об атомном взрыве в лаборатории. Уровень радиации в сотни раз превышает обычный фон. Лаборатория полностью уничтожена – 24 сотрудника и 36 солдат охраны. Непонятно им только – как в лаборатории оказался атомный заряд. Сколько там было пациентов – не пишут. Никого не было будем считать. Так легче. Это первая ласточка. Завтра, возможно, что-то произойдёт в Узбекистане, в Латвии, на Украине, в Казахстане.

– Молодцы. Отдыхайте. Завтра летим в Москву.

Узбекистан

Москва, известная вам квартира; генерал без мундира, в гражданской одежде.

– Привыкаю к разжалованию. У вас всё получилось – хорошо, молодцы. Родина не забудет. Будут премии, награды, новые звания. Но это потом, а сейчас слушайте следующее. А ещё лучше – давайте за ваше удачное возвращение выпьем по тридцать граммов коньячка. Коньячок сегодня нам выдали чудесный – французский «Наполеон».

– Так вот. Узбекской команде не повезло. Потому, что мудаки там подобрались. Представляете – вышли на рекогносцировку осматривать подходы, делать засидку и взяли с собой пушку гравитационную. Ну, ладно бы, для тренировки потаскать. Так нет ведь – один из них тот, что с лазером увидел верблюда в пустыне и подумал, что верблюд дикий или бесхозный и предложил пушкарю опробовать её на верблюде. Не осмотрелись и навели пушку на это большое животное. Верблюда свалили с ног с расстояния 60 метров, а потом подошли к нему на десять метров и, смеясь, превратили его в лепёшку. А это всё видел хозяин верблюда – он был за барханом, в тени кустарника сидел. Были там ещё двое, и они схватили пушкаря, связали (у них верёвки есть всегда), а снайпер-лазерщик шустрый оказался – убежал. Но недалеко, чтобы понаблюдать, что будет дальше. Узбеки кричали,

махали руками, показывая на верблюда. Один плюс – пушкар успел нажать на кнопку самоликвидации. Двое вскоре ушли и вернулись через час с большим ведром. Ведро было полное верблюжьих слюней, и они сделали своё любимое дело – затолкали пушкаря головой в ведро и тот захлебнулся. Аминь. Аллаху акбар. На одного православного меньше.

Чуть-чуть помолчал, и: – Вот и выходит, что вам надо ехать туда. Обстановка там наисквернейшая. Представляете, во времена СССР там было 157 (!) санитарно-эпидемиологических лабораторий; всё было под контролем. После распада Союза практически все лаборатории закрыли. Разворовали, разгромили. Некоторые из них облюбовали американцы – оснастили новым оборудованием, задали новые цели в работе – разработка новых видов болезнетворных бактерий. Объявляя при этом, что осуществляют надзор над заболеваниями. Но вместо этого происходят вспышки разных болезней смертельных. Первую такую лабораторию создали в 2007 году в Ташкенте, в 2011 – в Андижане и в Фергане; в 2016 – в Ургенче. Это всё объявленные. Кроме того построили новые, необъявленные, самые секретные в Бухаре, Сурхандарье, в Каракалпакстане в Самаркандской области и где-то в Ташкентской области. Нас интересует та, что в Бухаре.

Что в результате, а то, что в 2011 году в Ташкентской области вдруг вспышка неизвестной болезни, но очень похожа на холеру. За сутки 31 августа в больницу города Янгиюль поступило сразу 70 пациентов. Все умерли. В 2012 снова –

умерли 20 человек. В 2017 году эпидемия ветряной оспы, в 2019 – эпидемия кори. При этом официальной статистики нет. Вопрос, а чем же занимаются все эпидемиологические станции под управлением американцев?

По всему миру имеется множество американских лабораторий и если сопоставить карты расположения этих лабораторий и карты возникновения очагов заболеваний, то они полностью совпадают. Так говорит Главный санитарный врач РФ А. Попова. Поэтому надо ехать и уничтожить в прах хотя бы ещё одну.

Продолжает: – Маршрут проникновения в Узбекистан разработайте прямо сейчас с Иваном Петровичем. Я отбываю – успехов вам. До отъезда, возможно, не увидимся.

Иван Петрович берёт в свои руки бразды составления маршрута и других планов: – Вот карта Узбекистана. Естественно, с вашим оборудованием нельзя пользоваться обычным авиарейсом. Но для ускорения мы вас без проблем доставим в Казахстан, в Байконур самолётом, а далее только автомобилем. Смотрите: от Байконура дорога Е38 на юго-восток, дорога одна вплоть до Шымкента (там есть местный аэродром), далее Казыгурт и здесь дорога близко подходит к границе Узбекистана. Напротив, в Узбекистане селение Май. Там есть дорога между этими селениями. Там есть наша явка. Там наш человек встретит вас; встретит в Казыгурте, передаст вам местные документы и проведёт через границу. Там просто, но надо знать боковые дорожки. А далее до-

рога на Ташкент, но Ташкент надо объехать по объездной дороге и на запад, на Самарканд, Каттакурган, Навои, Гичидуван, Бухара. Но лаборатория не в самой Бухаре, а опять недалеко от аэропорта (чтобы быстрее им можно было смыться) в селении Кумгаран. В восточной части этого селения находится лаборатория на границе с пустыней. Через пустынные три километра на восток находится селение Баташ. Вот где-то между этими селениями и произошёл неприятный инцидент с нашим агентом. Ничего о нём выяснять не надо. Прodelать всё желательно с хода и местным самолетом вылетать в Ташкент. Или же на этом же автомобиле уходить той же дорогой. Другой нет. Есть, но не надёжные, опасные – пустыня. На ваше усмотрение, по обстановке. Вы бледные и потому слишком заметные, а сейчас там зной.

В Байконуре нас ждал комфортный для жарких мест «Ленд-круизер» с водителем. Водитель наш сотрудник, казах по национальности, по имени Итим. В Узбекистане он будет незаметен – чёрный от загара и в одежде под молодых узбеков. А мы – под старых узбеков, но бледные и с круглыми глазами.

– Здесь ещё ничего, а вот в Ташкенте – зной. Запас воды я взял, еды немного – не захотите по такой жаре. Огурцы, помидоры зреют – всё есть на рынках. Впереди 700 километров безликой дороги – степи, полупустыни.

Выехали во второй половине дня. Чистое время езды получилось двенадцать часов, а с остановками, сном – все два-

дцать четыре.

Вечером приехали в Казыгурт. Подъехали к автостанции, рядом небольшой рынок (они тут работают круглые сутки), пока мы с Итимом ходили за продуктами, к машине подошёл узбек в ватном халате. По виду старик, а глаза молодые.

– Мне надо в аул Май, вы не туда случаем?

– Но это же в Узбекистане.

– Да тут не различают эту чересполосицу.

– Если недалеко, то сделаем крюк. Только надо платить.

– Сколько?

– А по спидометру, как на автобусе – теньге за километр.

Это был пароль. На автостанции почти никого не было, и никто не обратил на нас внимания – обычный случай подвести, когда нет автобуса. Он сел на переднее пассажирское сидение.

– Я буду показывать дорогу. Темнеет – это хорошо – меньше глаз.

На выезде из Казыгурта заправились на бензоколонке под самую завязку и ещё две канистры наполнили. Тут бензин значительно дешевле, чем в Узбекистане. Пора уже и фары дальнего света включать. Песок, пыль просёлочной дороги, хорошо, что никого нет впереди. Через час с небольшим узбек в халате говорит: – Ну вот, мы в Узбекистане. Поздравляю. Остановитесь и меняйте номер. Через километр аул Май, я выйду здесь.

Шофер меняет номер.

– Вы здесь впервые? Вот ваши паспорта. Они липовые, но на первый взгляд не отличишь от правильных.

– Да, впервые.

– Попробуйте вяленой дыни. Солнца опасайтесь – чаще бывайте в тени, ездить лучше по ночам. Двигатели не перегреваются. Куда вам дальше – я не знаю, но бензина вы запаслись изрядно. Ночуйте в машине на стоянках для этой цели предназначенных, не ходите в гостиницы – сразу поставят на учёт, и по всей стране будут отслеживать. Любят новую цифровую технику к месту и не к месту применять. На обратном пути снова меня вызывайте, когда подъедете к нашему аулу. Вот вам телефон для этого – там забит номер моего телефона. Потом отдадите его мне. Как я понял – ваша миссия недолгая. Удачи в ваших делах. – И ушёл, пропал в ночи.

Едем; дорога пока единственная, отвернуть, заблудиться негде. Впереди 1200 километров. Ташкент объехали по северной его части. И началась хорошая асфальтированная дорога на Самарканд. Дремали. За ночь водитель устал, и встали на автостоянке под навесом. Он крепко спал, а мы скучали и снова дремали. Как сказал один профессионал – отдохнул – значит вооружён. Шестнадцать часов пути нам понадобилось, чтобы доехать до Бухары; с остановками – все тридцать два часа.

Раннее утро. Едем в сторону аэропорта, находим дорогу в селение Кумгаран.

Кумгаран расположен между двумя параллельными доро-

гами. Подъезжаем к нему с юга по правой дороге, дома, в основном, одноэтажные, редко – двухэтажные, слева за селением в трёх километрах аэропорт, справа от дороги пустыня и в трёх километрах по пустыне селение Баташ. Видим слева здание лаборатории, оно практически такое же, как в Грузии, но без восьмиэтажного дополнительного здания. От дороги оно находится всего в ста метрах, поэтому невозможен выстрел с дороги, с автомобиля. Вышли из машины и попробовали идти по песку пустыни. Песок очень лёгкий, ноги проваливаются чуть не до колен – машина наша не пройдёт, это не бронетранспортёр на гусеницах. Что делать. Идея – надо ехать на верблюдах. Где их взять? Надо попробовать это сделать в ауле Баташ. Поехали в Баташ объездной дорогой. Выясняли, а можно ли взять верблюда напрокат – покататься на верблюде по пустыне. Пожалуйста – платите денежки. Найдутся ли два верблюда, нас двое. Можно и два. За два часа платите десять тысяч. Денежки вперёд. И это безо всякой усмешки, Серьёзно.

Машину с нашим оборудованием отправили в восточную безлюдную часть аула, за аул. Правда, мы не разбираемся, что есть аул, а что селение, село. Всё это чисто условно.

Оседлали для нас верблюдов, положили их на землю, мы сели в сёдла и верблюды поднялись. Ого, высоко оказывается. Но это хорошо – далеко видно. Поехали на запад, медленно ходят эти животные, не торопятся (чтобы не вспотеть, видимо). Вскоре мы повернули на север, а потом и на восток,

скрылись с глаз сельчан, и к машине. Взяли оборудование, не слезая с верблюдов, и направили их в сторону Кумгарана. Через полчаса поднялись на бархан и увидели его дома, а вот и лаборатория, до неё не более полутора километра. Что ж позиция подходящая. Спрятаться можно за барханом. Чтобы быстрее исчезнуть после выстрела, мы решили стрелять прямо с верблюда и лазером направлять полёт мины тоже с верблюда. Вопрос – насколько верблюды неподвижны при стоянии. Лазер будет качаться, пятно шевелиться. Надо попробовать и если плохо, то действовать с земли.

Елена достала из чехла лазер, надела бинокль на голову, я тоже взял в руки бинокль понаблюдать. Поднялись на верблюдах повыше к вершине бархана. Она прицелилась, мы оба увидели пятно, но...но верблюд не спокойно стоял, он дышал, это мы могли затаить дыхание, а он не понимал ответственности момента, того, что стрелок перед выстрелом задерживает дыхание, расслабляет диафрагму. Пятно гуляло по стене и даже выходило за его пределы.

Надо действовать с земли. Слезли с верблюдов. А как же нам потом на них садиться? Они нас не послушают и не лягут. Как-нибудь вскарабкаемся, обнадёжили мы себя. Сначала, чуть в стороне мы вырыли приличную яму, чтобы в ней сжечь наше оборудование – трубу базуки, лазер, бинокли.

Верблюдов оставили внизу, а сами поднялись на вершину бархана, легли, начали готовиться. Валентина в пяти метрах справа от меня.

– Лучь, – Командую я. И вот вижу пятно на середине здания и нажимаю пуск. Ракета пошла, шипя и дымя; дым почти белый, и это малозаметно при ярком солнце. Я прыгаю вниз, через мгновение Валентина там же. Лицом в песок. Ослепительная вспышка, грохот, давление воздуха на перепонки ушей и нас засыпало песком. Встали на колени, потом на ноги, отряхнулись, побросали всё своё снаряжение в полужасыпанную яму, и я привёл в действие сжигающее устройство. Оглядываемся на верблюдов, а они лежат – их бросило на землю ударной волной. Сколько ещё они будут лежать – ведь надо засыпать сгоревшие останки. Решили, что с термитным зарядом они сгорят и под слоем песка. Поэтому нагребли на горящие предметы песок. Осторожно подходим к верблюдам, чтобы они не волновались. Они тяжело дышат, нервно вздрагивают. Но позволили сесть и по команде поднимаются. Едем к селению. Несколько человек на улице машут рукой в нашу сторону. Подъехали. Посыпались вопросы:

– Что там такое? Что за взрыв? У нас тут стены закачались, дувалы некоторые повалились.

– Мы не знаем, мы были в низине между барханами, видели только облако взрыва, а верблюды сами помчались в сторону дома. Мы не смогли их повернуть назад, чтобы посмотреть.

– Да, испугались они. Такого они не слышали.

– Испугались мои маленькие, хорошие вы мои. – Это какая-то женщина запричитала.

– Хорошо хоть оба целы, невредимы.

Это они про верблюдов – про нас им не интересно думать. Денежки мы заплатили и всё. Подъехала машина. Едем сразу в другую сторону от селения Кумгаран, сначала на север на Каракалпакское шоссе, а по нему на восток, на Ташкент.

Через тридцать часов звоним узбеку в халате: – Мы подъезжаем к вашему аулу.

– Вы проезжайте его, и через полкилометра я встану перед вами на дороге.

Ближе к вечеру проехали по аулу Май – сплошные мазанки с дувалами и вскоре увидели сидящего на обочине дороги человека. Подъезжаем, и он встаёт. Всё верно – это он.

Поприветствовали друг друга. – Как ваши дела? Всё получилось?

– Считаем, что успешно съездили. Вот дыни вяленой купили.

– Повезло. Есть чем отчитаться.

Без приключений пересекли границу и мы в Казахстане. Попрощались, даже не знаем его имени.

Байконур, самолёт, Москва. Доклад. Молодцы.

– Слышали, в СМИ сообщают, что в здании было четыре высших специалиста и четырнадцать лаборантов.

Латвия

– А вот в Латвии дела совсем плохи – нет доступа к лаборатории. Расположена в лесном массиве – деревья возле здания на расстоянии 2-3 метров, лесная стена глубиной, так сказать, в десять метров, затем прорублена полоса по периметру, ширина её также десять метров и на этой полосе три ряда колючей проволоки. Собаки бегают меж рядов колючей проволоки. Открыта только лицевая часть с подъездом, а там два подсобных помещения, которые более чем на половину скрывают основное здание. Во всём этом есть то-ли плюс, то-ли минус – лаборатория расположена в четырёх километрах от нашей границы.

Валентина: – Ну, раз невозможно подойти к лаборатории на территории Латвии, то мы сможем её достать с нашей территории.

– Как?

– Надо стрелнуть с вышки пограничников, если такая имеется в том месте. А если нет – то с вертолётa.

Тут встречаю я: – Вертолёт – это очень шумно. Надо подняться на аэростате. Ночью на чёрном аппарате. Плохо то, что струя реактивная будет хорошо заметна. Скандал. Или днём. Цвет аэростата в зависимости от погоды.

– А где находится эта лаборатория?

– Есть такое местечко Нестери. Точнее, от него пару ки-

лометров на восток. Там есть основная дорога через Нестери А13 и от неё на восток идёт просёлочная дорога к самой границе. Вот по этой дороге два километра. А дорога А13 пересекает границу с Россией и идёт на город Остров. Самый короткий, прямой луч на Россию от этой лаборатории это на деревню Бухолово, там протекает речка Утроя. Конечно, там имеются пограничники, застава. Ещё раз сориентирую вас – от Нестери в Латвии дорога идёт на запад, на Резекне и далее на Даугавпилс.

Смотрим карту.

– Вот теперь понятно. Места там низинные, болотистые и деревья не очень высокие должны быть.

– Возможно. Будем смотреть на месте.

Иван Петрович: – Сегодня же я начну искать, заказывать воздушный шар с водородом. Наверное, понадобится баллон 60-литровый. И он стал звонить, видимо, в службу снабжения.

А мы углубились в изучение местности на нашей и на той стороне. Измерили линейкой расстояния – самое короткое возможное расстояние три с половиной километра. Это, если стоять на самой границе. Наверняка, придётся отойти на некоторое расстояние. Много зависит от высоты деревьев возле лаборатории.

Через два дня объявили, что имеется воздушный шар небольшой, не спортивный, а рекламный, но он с помощью водорода поднимет двух человек на полкилометра. С нами

поедет специалист по этому шару. Выехали на двух автомобилях: в пикапе специалист, шар и баллон с водородом, шнур нейлоновый длиной четырёхста метров, гондола. Он сам является водителем. В вездеходе армейском мы со своим оборудованием. Иван Петрович не едет.

До городка Остров примерно 500 километров, доехали за шесть часов. В Острове заехали за сопровождающим пограничником – старший лейтенант Валерий. Он порекомендовал лучше заночевать здесь, а утром за час доедем до места, до деревни Бухолово. Гостиница для командированных военных, места были. Проблем с ночёвкой не возникло. Утром в восемь утра выехали. Добрались, как и говорил Валерий за час.

Конец мая, комариные места, из деревьев ольха, осина, ели не сильно высокие. Не доезжая границы с полкилометра, остановились на берегу речки Утроя. Нашли ровное место и начали готовить воздушный шар к подъёму.

Надо посмотреть с высоты – что там.

– Наши наблюдатели насчитывают от двенадцати до шестнадцати человек, заходящих на работу в лабораторию, – говорит Валерий. – Заново подготовить столько специалистов – это уже задача и время.

Через час шар и гондола были приготовлены. Снизу гондолы был привязан шнур, а другой конец закреплен за корневиче огромного пня. Надёжно – не улетит шар. Начали надувать полихлорвиниловый комок аэростата водородом. По-

степенно он распрямился, превратился в шар и начал подниматься; двое страховали шар шнуром, пока гондола не встала вертикально. Тогда в неё забрался я с биноклем и пограничник, который хорошо ориентировался на этой местности. Расстояние от наших голов до шара небольшое – метра два. Начали стравливать шнур и гондола нехотя начала подниматься – маловато водорода подали. Всё выше и выше, вот уже сто метров, а крыши лаборатории не видать – сплошной лес; с высоты двести метров пограничник заметил голубую крышу. Она! С этой позиции стрелять ещё нельзя; поднимаемся выше и вот, только на высоте триста метров я был удовлетворён – видать полностью крышу и верхнюю часть здания под самой крышей – вот туда нужно попасть. Показываем, что нас надо опускать. Внизу вчетвером тянули шнур, а потом привязали его к тому же корню. Вверху оболочка нагрелась от взошедшего солнца и подъёмная сила возросла.

– Я считаю, что время не надо тянуть – готовим своё оружие и поднимаемся для ликвидации супостата.

Никто против не был, и мы с Валентиной занялись своими приборами. Наконец всё готово. Одели ветронепродуваемые куртки и специальные шлемы с прикрепленными биноклями.

– Загружаемся. Поднялся сначала я сам, затем помогал подняться напарнице, приняв предварительно от неё лазерное ружьё. – Держите шнур крепче, чтобы не болтало. Хорошо, что ветра нет. А потом быстро нас вниз тяните, как

можно быстрее.

Аккуратно, метр за метром стравливали шнур. Вот и отметка триста метров. Валентина справа от меня начала выцеливать стену под самой крышей, а я был уже готов чтобы нажать «пуск». Вижу в свой бинокль, что пятно уверенно держится на одном месте и произвожу пуск. Ушла ракета. Шипит, дымит. Кто-то её видит на той стороне? Есть ли там пограничники (?) или, как обычно, нет их. Валентина машет рукой – опускайте нас!

Стрельнул я и непроизвольно опустил трубу базуки передним концом вниз. А из неё идут ещё остатки горячих газов. Они прожарили оболочку и водород взорвался. К счастью (физика такова) газы водорода лёгкие и от взрыва уходят вверх, а мы падаем вниз. Такого мы не предусматривали. Мы вцепились в поручни и напрягли ноги в полуседе. Под нами речка. Только бы не в берег удариться. Падаем в воду. Углубились на два метра – на мгновение видна стена воды со всех сторон, а потом эта стена схлопывается и мы на глубине два метра. Хорошая амортизация о воду получилась. Мы не потеряли сознания, мы выплыли; к нам уже бегут несколько человек, прыгают в воду, плывут к нам, подхватывают каждого с двух сторон и вытаскивают на берег. Переворачивают на живот, чтобы вылить воду из организма. Кто-то снимает всё на телефон. Лежим с закрытыми глазами, прислушиваемся к своему телу. Фу, кажется живы. Подъезжает вездеход с начальством.

– Молодцы – попали. Хороший, классический ядерный взрыв мы наблюдали. Молодцы, что живы – есть, кого награждать.

Москва. Отдых в доме отдыха. Пишем, описываем наши действия в Узбекистане и в Латвии. Иван Петрович живо интересуется, как мы провели операцию и говорит, что в Казахстане тоже стёрли в порошок одну лабораторию, а там их четыре. Разговаривать лень и мы отдаём ему по десять страниц описаний обеих операций от первого лица. Он читает, а мы дремлем – все в неге и нирване.

Только он закончил читать, как по телефону вызывают его, генерала, и начальника генерала в кабинет Верховного, в Кремль.

Верховный Главнокомандующий – уже в годах, почти весь плешивый, нет блеска в глазах, взгляд тусклый, голос уставший.

– Вопрос чрезвычайно щепетильный ... кто-то устраивает атомные взрывы за рубежом. Вот уже четвёртый взрыв и всё лаборатории биологические. С одной стороны это, конечно, хорошо. Но кто это делает без команды? Назрел международный скандал – все информационные агентства и официальные лица предъявляют мне претензии. Мол, это ваших рук дело. А я не в курсе.

Продолжает: – Не зря вы тут находитесь – мы отследили цепочку случайностей и вышли на вас. Докладывайте.

Начальник конторы: – Я тоже не в курсе. Вот генератор

всех наших идей, – показывает на генерала, – наш генерал должен быть в курсе.

Генерал: – Это мы, не отрицаю, мы не находили поддержки в высших эшелонах власти, а эти лаборатории нужно было уничтожать. Мы обезопасили страну.

Верховный: – Идея, в принципе, верная, а кто же исполнители? Вы полковник?

Иван Петрович: – Никак нет – это Виноградов и Курбатов. Она подала две идеи – ядерный заряд и как его добыть. Это гранатомёты РПГ-82ЯЗ, эквивалент две тонны тринитротолуола. Исполнитель, а также проработчик всех деталей этих акций Виноградов.

Верховный: – Это что, ОН говорил от моего имени? ОН отдал приказ Командующему Округом? Вот ещё один Вован объявился. А? – Где, как он смог отдать приказание?

– Прямо с аэродрома Таганрога из самолёта «Судного дня». Самолёт там на профилактике.

– Кто ему разрешил войти в самолёт.

– Они самостоятельно как-то. Как проникли – не говорят. Но с нашего молчаливого согласия. Они, по-видимому, гипнотизёры. Никто ничего не видел. Они нам рассказали потом, что они спокойно прошли на территорию аэродрома, взглядом заставили часового отвернуться и вошли. Там самостоятельно разобрались в аппаратуре. Он в армии был радистом.

– Пойдите, сколько ему лет.

– Семьдесят пять.

– Это что, тот самый тип, который писал во все фракции Думы и в мой Аппарат, чтобы снять мораторий со смертной казни. Вот сейчас он сам достоин такой участи. Я немедленно сниму мораторий и расстреляем его, и всех других, чтобы неповадно было. А потом снова сделаем мораторий.

– Извините, но стрелять некого. Он, они мёртвые.

– Как мёртвые? Объясните.

– Во время акции в Латвии два дня назад он производил выстрел из гондолы аэростата. Гондола висела на шаре, наполненном водородом, и вот как-то шар загорелся, взорвался. В ней водород был, а это практически водородная бомба. Гондола рухнула с высоты триста метров в речку, он и она потеряли сознание, захлебнулись. Мы можем прямо сейчас показать видео, как его и её пытались спасти.

Иван Петрович достаёт смартфон и показывает видео-ролик, как падает гондола в речку, как люди бросились вытаскивать двоих. Вытаскивают бездыханные тела. Всё.

– Да. Печально с одной стороны. С другой – это ему возмездие за самоуправство. Символично получилось – сам стрелял сначала атомными бомбами, а погиб от водородной бомбы. Поделом. Ну, что ж, снимать мораторий я не буду – некого стрелять. Я успокоился. Наградить его званием Героя. Обоих. Посмертно.

Верховный подумал и продолжил: – Однако, у меня остался вопрос к нему. Может кто-то из вас знает его мысли – кого

он собирался расстрелявать после введения смертной казни?

Полковник: – Разрешите доложить?

– Да.

– Во-первых, всех тех, кто сидит пожизненно – незачем тратить средства на охрану, на здания, на питание. Во-вторых – всех тех, кто имеет рецидив и сидит по второму и более разу – нет смысла их перевоспитывать. Не перевоспитать всё равно. Незачем на них переводить народные деньги. В-третьих, всех замеченных воров всех мастей и уровней; всех мошенников, в том числе и телефонных.

Всех они уже достали. Люди будут только рады.

– Это кто же будет рад?

– Мы выясняли (был опрос негласный) мнение людей по этому вопросу. И 99,9% опрошенных – за смертную казнь для указанных категорий людей.

– Невероятно.

– Именно так.

– Я не могу снять мораторий. Пускай это делает следующий Президент, а я пушистенский и беленький, я добренький и толерантный. Идите, и чтобы без превышения своих полномочий. – Да, чуть не забыл, очевидно, имеются письменные отчёты об этих операциях. Принесите их мне. Любопытно. И чтобы шрифт был крупный, не менее 14-го.

Все вспотевшие вышли из кабинета. Все были на грани расстрела. Опять всех спас этот пенсионер. Надо же – притворился мёртвым, а сейчас ему предстоит ехать на Украину

и там довести распыл лаборатории до конца. Там, на Украи-
не что-то не могут найти подход к стенам лаборатории. Степь
голая, равнина, ни одной горки, ни одного оврага.

Украина

– Товарищи Виноградов и Курбатова, вам терять нечего – вы мертвы, но вы Герои России. Поэтому вам надлежит немедленно собираться и ехать на Украину.

Иван Петрович после такого вступления начал рассказывать, как он побывал в Кремле. – Ещё одно такое посещение и у меня инсульт с инфарктом будут.

– К сведению – на Украине имеется тринадцать американских биологических лабораторий, о которых писали в прессе. Писали и о лаборатории в Херсоне, что на улице Уварова дом 3. Стоимость её вместе оборудованием и мебелью более двух миллионов долларов. Но речь сейчас не о ней. Имеется ещё одна – четырнадцатая лаборатория – под Херсоном. В тридцати километрах, около селения Николаевка. Абсолютно секретна. Построена последней. Вот ваша цель.

– Нужно сначала съездить, оценить обстановку, может быть появятся идеи. Ехать надо через Крым. На Украине в городе Скадовск имеется явка с хорошим подвалом, а хозяин с хорошим автомобилем. Он провезёт вас мимо этой лаборатории, вы увидите окрестности.

Город Скадовск на берегу Чёрного моря, от него по прямой до Николаевки сорок километров. Недалеко. Это путь отхода после акции, а дальше на рыбацьем баркасе и в море пересадка на наш пограничный катер. Куда девать трубу

базуки, лазер и бинокли? Сейчас мы ничего не знаем. Надо ехать смотреть и думать.

Смотрим на карту. Николаевка. Вот улица Школьная и, как бы, в продолжение её на юго-запад дорога до одиноко стоящего здания. (Этой дороги на карте нет – это наше воображение). Здание двухэтажное. Расстояние от села до здания лаборатории не более километра. Одинокое здание лаборатории, обнесённое тремя рядами колючей проволоки. Расстояние от забора до стен примерно тридцать метров четыре вышки по углам, часовые, безусловно, с биноклями и с приборами ночного видения. На территории помещение для караула и вольера для собак. Собаки бегают между рядами колючей проволоки. Наружный периметр не просто колючая проволока, а сетка с ячейкой пять на пять сантиметров. Таково описание объекта со слов наших разведчиков.

Мы в Крыму, нам подготовили украинские паспорта, документы для легального перехода границы. Нас везёт реальный украинский житель на своём автомобиле – мы были в Крыму в гостях у своих родственников. Он привозит нас в Скадовск в условленное место – к главной почте. Здесь нас встречает другой человек и везёт к себе.

– Зовите меня Григорий Григорьевич.

Мы проникли легально, а вот спецоборудование – как-то РПГ-82ЯМ, бинокли и лазер пришлось тайно переправлять в Скадовск. Есть способные люди. Переправили уже всё на явочную квартиру.

На следующий день Григорий Григорьевич повёз нас к Николаевке. Всё, что описано было на бумаге, мы увидели воочию. Прониклись пустотой степи. И сейчас непонятно, что сложнее – лесные заросли, крутые скалы, песчаные дюны или голая степь.

Хорошо бы на танке подъехать и атомным снарядам, но не дадут нам такой возможности.

Валентина: – А вот если сесть на трактор и плугом землю пахать – это хорошая конспирация. Стрельнуть можно будет с трактора, а как защититься самим от взрыва?

– С расстояния четыре километра ничего страшного нет.

Или трактор защитить – поставить свинцовые стенки.

Идея хорошая. Будем её сами осуществлять. Возвращаемся в Крым.

В Крыму, в Джанкое нам дали трактор К-700, такой, каким пользуются некоторые украинские хлеборобы для вспашки земли. Я учился водить, потом учился пахать землю. А вась у себя дома пригодится. В это же время продумали, какие стенки защищать свинцовыми панелями. Сделали эскизы и уже хотели отдать нашим кураторам для изготовления да передумали – как их там ликвидировать, чтобы не было лишних улик. Просто стрелять надо с наибольшей дистанции. Например, с пяти километров – так далеко мы ещё не стреляли.

Потом опять передумали – лишние километры это ухудшает точность попадания, прятаться от взрыва лучше за гу-

сеничным трактором.

Ну, да, гусеничный украинский ХТЗ. Надо на гусеничном потренироваться бы. Говорю об этом куратору крымскому. Да нет проблем. Имеется такой трактор у фермеров. Поучился у них искусству вождения гусеничного трактора. День ушёл на это – полдня без плуга и полдня с плугом – я им, таким образом, всё поле вспахал. Через неделю я пахал как заправский механизатор,

Мы снова в Скадовске: – Нам нужен трактор на некоторое время. При этом обязательно гусеничный ХТЗ. Можно купить новый или бывший в употреблении, или же взять на неделю в аренду. А вдруг с ним что случится?

Решили всё-таки купить. Сколько он стоит новый, а бывший в употреблении?

Оказалось, что проще купить харьковский гусеничный. Он к тому же дешевле: так новые гусеничные ХТЗ-150 – 4,5 млн. рублей, а колёсный К-700 на миллион дороже. Григорий Григорьевич решил всё-таки экономно дела вести, поэтому поехал по ближайшим сёлам в поисках подержанного трактора. В тот же день нашёл нужный нам ХТЗ-150, который два года служил фермеру в селе Весёлом. Сторговался за 1,5 млн. р.: – Разницу или хотя бы часть разницы вы мне должны дать, как премию. Нуждаюсь я.

– Выдадим премиальные после акции, если будем живы.

– Вот-вот, поэтому вы мне сейчас выдайте. Поехали со мной, получите этот трактор, опробуете, рассчитаемся с

ним, а потом рассчитайтесь сразу со мной.

– Ты что, Григорий Григорьевич, хохол что ли?

– Есть маленько. Всю жизнь с ними живу.

Трактор стоял во дворе. Он оказался «на ходу», с подвешенным четырёхлемехным плугом, заправлен топливом и маслом; завёлся довольно быстро, мог ехать и передом и задом. Я вывел его за ворота и остановился около забора. Расплатились с фермером, а затем, посоветовавшись с Валентиной, выдали Григорию Григорьевичу один миллион.

Валентина: – Наш фонд закончился почти полностью.

Я: – После акции, если трактор будет цел, ты снова можешь его продать, Григорий, и ещё раз будет выручка. Похлеще, чем у самого хитрожопого еврея твоя операция получается.

Он широко улыбнулся: – А где вы его будете содержать сейчас?

– А прямо здесь, у его ворот. Завтра раненько мы во всеоружии поедem на нём на место действия.

Перед восходом солнца мы снова были у ворот фермера. В селе люди, в основном, спали ещё, поэтому, не особо таясь, мы загрузили в кабину трактора наши приборы. Я завёл его, и люди проснулись, выглядывали из-за заборов в нашу сторону. Валентина была в кабине, в защитном костюме, словом, сливалась с трактором и я, как бы один.

До нашей позиции двенадцать километров, ехали со скоростью 5 км/час, и к девяти часам утра я выехал на поле

в двух километрах южнее лаборатории. Поле не пахали года три и сейчас практически целина. Поехал поперёк поля, опустил плуг, начал делать первую борозду. Валентина в это время высматривала через бинокль обстановку вокруг лаборатории. Здание видно хорошо, прицелиться можно в любое место.

– Когда начнём? – спрашивает она, – и как будем отходить в Скадовск?

Я стал звонить Григорию, как договаривались. Сказал, что через пятнадцать минут будет акция и ему надо подъехать забрать нас. Мы будем около дороги.

Я развернул трактор, пропахал наполовину вторую полосу, поднял плуг и отъехал назад на три метра. В этом месте, перед трактором лопатой начал рыть яму для сжигания улик. Потом я проеду по этому месту плугом – закопаю, заровняю. Выкопать надо глубокую яму. Сил и терпения хватило на полтора метра.

– Готовимся. Расчехляем базуку, лазер, надеваем шлёмы с биноклями. Она настраивает лазер прямо из кабины, а я вышел и на капоте пристраиваюсь. Вижу пятно лазерного луча чуть ниже середины высоты здания и точно по центру.

– Пуск. Пошла ракета с гранатой. Я ложусь на землю вдоль гусениц, через секунду присоединяется Валентина и сразу взрыв. Трактор вздрогнул, но не опрокинулся, и двигатель продолжает работать. Дизель, а не электронное зажигание.

Сбрасываем отработавшее оборудование в яму, включаю

приборы самоуничтожения (в этот раз у нас две термитные шашки – я предусмотрел горение под слоем земли), быстро зарываю яму лопатой, и садимся в кабину. Опускаю плуг, трогаю плавно с места, пропахиваю место ямы и ещё два десятка метров. Поднимаю плуг, выключаю двигатель, и мы бежим на дорогу. Слева мчится к нам автомобиль Григория. Он разворачивается, а мы уже на дороге; молча садимся, и Григорий нажимает на педаль газа, пытаясь вдавить её до пола.

– Не сильно спеши, не поломаться бы. Просто мы уезжаем от непонятого взрыва. Ведь виден и слышен был взрыв. А что это было – непонятно. Страшно. Вот и уезжаем от греха подальше.

– Видел я вспышку – чуть не ослеп, потом гриб дыма белого. Но всё быстро рассосалось. Пока ехал к вам, а это минут десять, то уже и следа дымного нет. Хорошо, что ветерок сегодня восточный. Облако не на нас.

Без остановок доехали до его дома. Полиция была на дороге, но как-то вяло махала жезлами, не было ещё команды на поголовный досмотр всех проезжающих. По дороге были кое-где люди, смотрели в сторону взрыва, на нас смотрели, а мы спокойно ехали. На Украине бывают время от времени взрывы складов с боеприпасами. Не привыкать им к взрывам. Это мелочи жизни для них.

– До ночи надо сидеть у меня в подвале. Я пойду к рыбакам, чтобы двум-трём выйти в море на рыбалку ночную, и

позвоню нашим пограничникам, чтобы встречали в море.

Ушёл, а мы легли на топчан в подвале и задремали. Нервное истощение наблюдается – чуть-что и спать. Спать. Десять часов спали мы. Разбудил Григорий.

– Скоро темнеть начнёт, надо готовиться к ночной рыбалке. Сейчас поужинайте и пойдём на берег к рыбакам. Там наденете рыбацкую одежду. Рыбаков не бойтесь, не первый раз такое проделывают.

Берег. Баркасы у небольшого пирса. Люди таскают сети, ящики для рыбы на баркасы. Нас провели на один из трёх, показали кубрик, – не высовывайтесь, незачем лишний раз показываться – на берегу разные люди бывают.

Григорий: – Кстати, чтобы здесь, сейчас вы сидели, я заплатил рыбакам почти все те деньги, осталось у меня пятьдесят тысяч. Так то. Рейс незапланированный, несогласованный ни с кем. Риск немалый у них.

Воот оно как. Сидим, дремлем. Но он же продаст тот трактор. Немало будет ему. Вот и темнота опустилась, двигатели заработали, малым ходом идём в открытое море. Через полчаса рыбаки начали закидывать сети, и тут, бесшумно практически, появился чёрный силуэт катера. Встал вплотную бортом к борту и не причаливается:

– Кто тут на пересадку – выходи.

Мы подошли к борту, слегка качает, и нас, аккуратно взяв под руки с двух сторон, поднимают на более высокую палубу пограничного катера. Катер тут же вздрогнул, от набирающе-

го обороты двигателя, и отошёл. Всё – мы на своей территории. Симферополь, аэропорт, самолёт на Москву.

В аэропорту Внуково нас встретил Иван Петрович. Приобнял, похлопал по спине.

– Здоровье в порядке?

– Здоровье есть только для своего отдыха. На другое его нет. Укатали сивку крутые горки. Заросло всё в саду-огороде.

На явочной квартире двое – наш генерал и ещё некто, неизвестный пока: – Вот они наши Герои. Живы, оказывается. Отдел кадров не понимает вот – он показывает на второго человека – кому зарплату они выписывают. Хочет потрогать своими руками живого Героя. А то слухи распространились о мёртвых душах.

– Ну, что вы там в этот раз натворили? – продолжает он, в пыль разрушили, али только пыль в глаза? Знаю, шучу. Пока вы добирались сюда, в Закарпатье ещё одну грохнули. И всё – нет больше гранатомётов, все истратили. Не дадут больше. Или ты, Владимирович, снова командовать по рации будешь Командующему округом? Сейчас у вас голос должен быть более командирским – мы подняли вам звание до подполковника. Поздравляю.

– Спасибо. Я считаю, что надо скомандовать. Кому-нибудь. Осталось ещё немало лабораторий вокруг России.

– Да, Америка опоясала весь мир такими лабораториями – мы насчитываем 400 штук. От идеи биологического оружия

США не отказались. За гражданскими мирными программами, как они говорят, торчат уши спецслужб и военных ведомств. Например, так называемый «Проект 53», созданный для повышения биобезопасности Евросоюза, охватывает Монголию, Афганистан, Пакистан, Киргизию, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Грузию, Азербайджан, Армению и работает в нём команда Англии по обучению обращения с новыми патогенами (NADP). Та самая команда, которая скрывает, что в момент известного всем отравления Скрипалей в Солсбери, они проводили трёхнедельные учения под кодовым названием «Токсичный кинжал» в процессе которого отрабатывали вопросы обнаружения и противодействия химическому, бактериологическому, радиационному заражению. Вот они и заразили, и «обнаружили», и «вылечили» Скрипалей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.